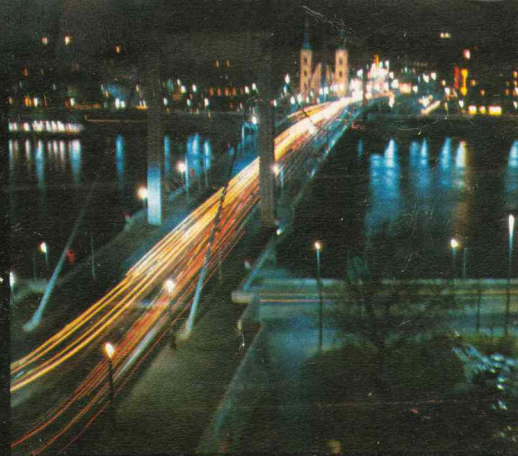

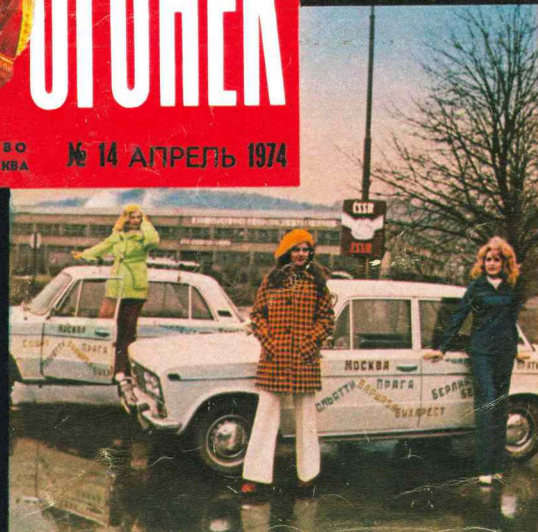
К ДРУЗЬЯМ НА «ЖИГУЛЯХ»
10 000 КИЛОМЕТРОВ ПО СТРАНАМ ССВА

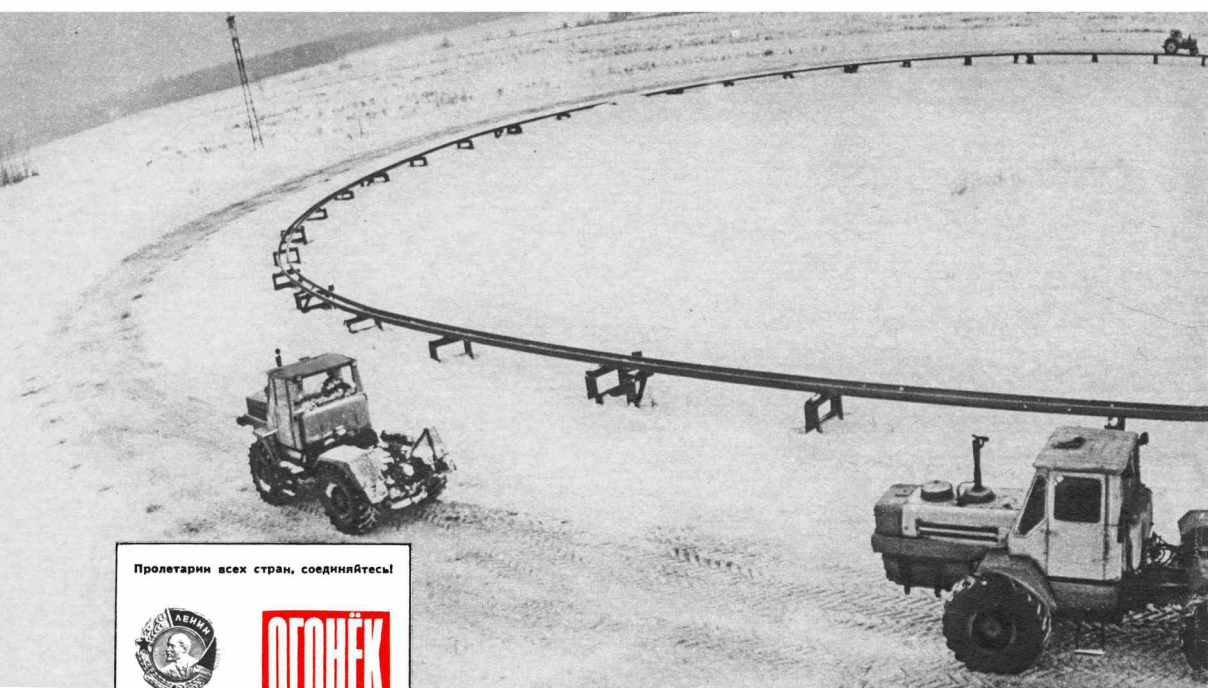

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 14 АПРЕЛЬ 1974

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

© «Огонёк», 1974.

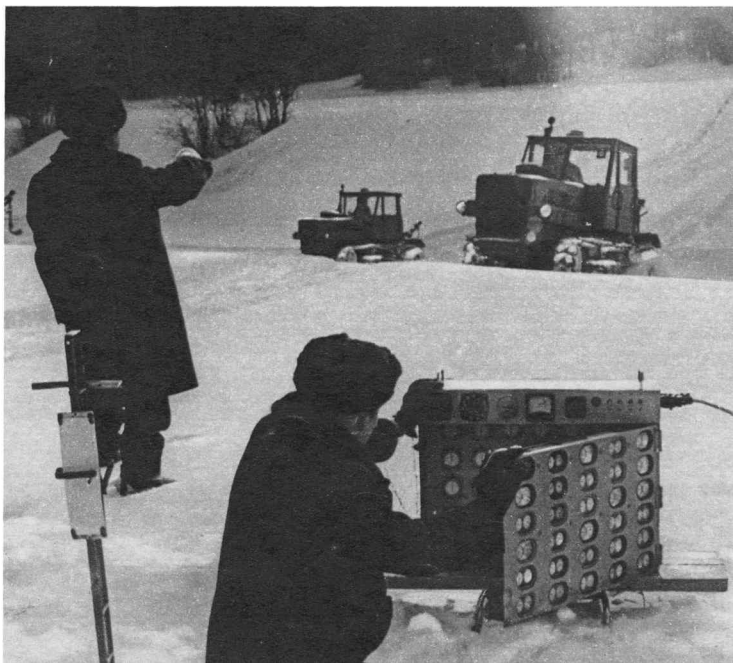
№ 14 (2439)

1 АПРЕЛЯ 1974

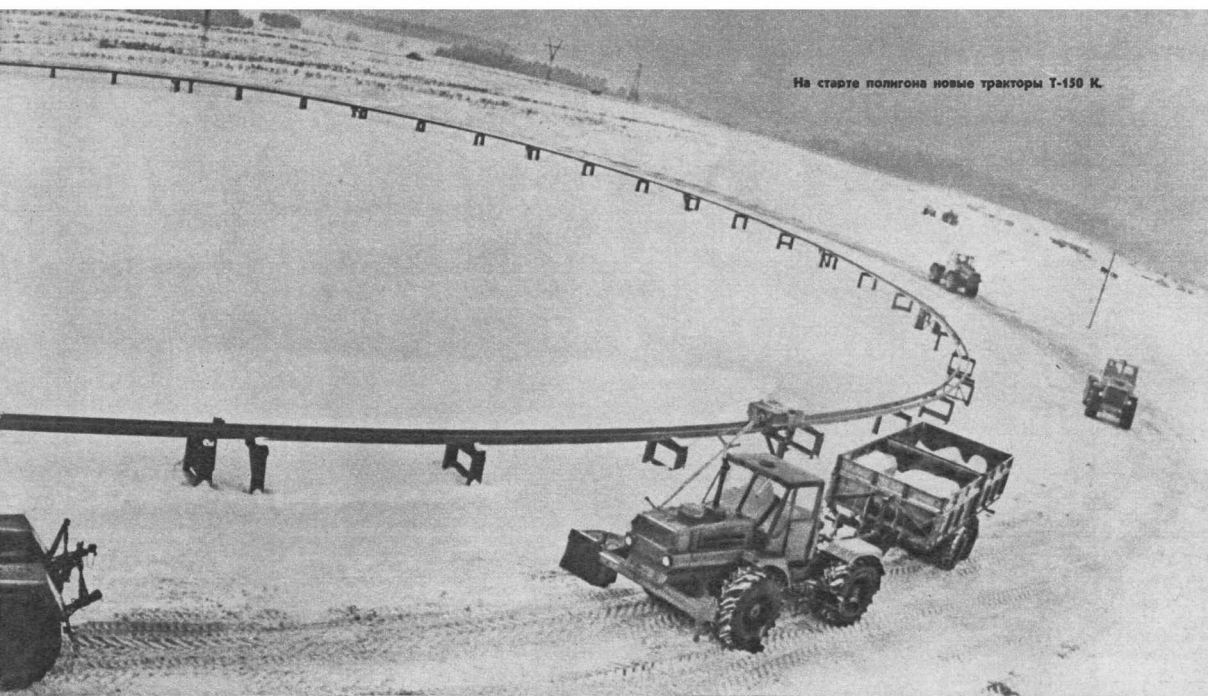
Директор станции доктор технических наук
Сергей Петрович Козырев.

ТРАКТОР И

Полевые испытания гусеничных тракторов по пересеченной местности.

На старте полигона новые тракторы Т-150 К.

А ПОЛИГОНЕ

Б. СМЕРНОВ,
фото
Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

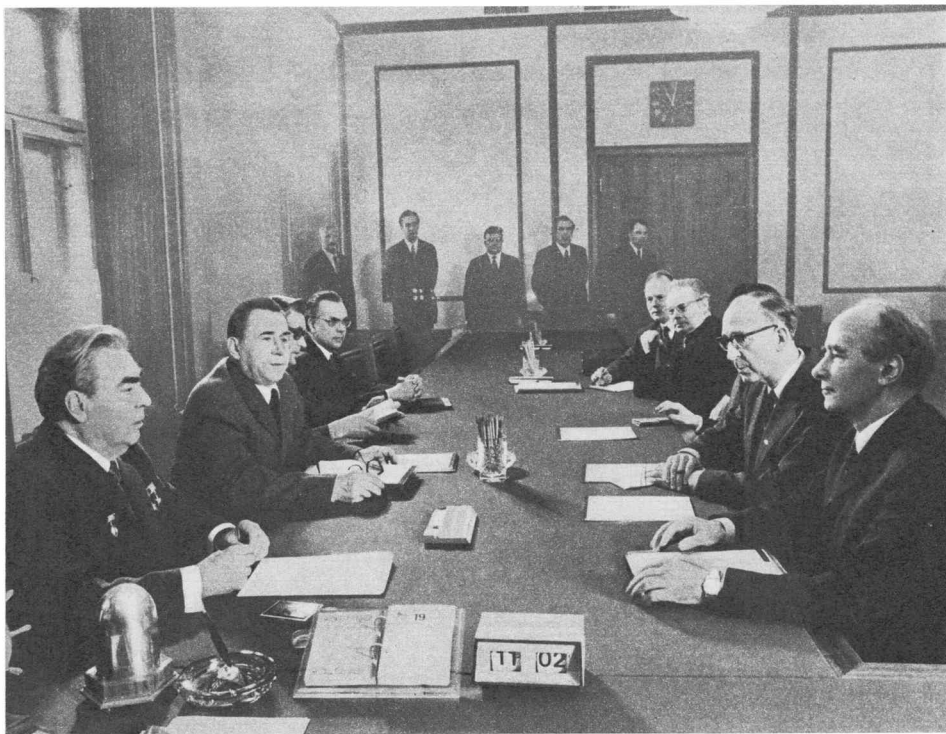
Инженер Сурен Зорбян во время испытаний.

«Нам... нужно все больше и больше машин для сельского хозяйства. Но — не просто машин. Нам нужна новая и новейшая техника, которая соответствовала бы требованиям крупного специализированного производства, позволяла внедрять прогрессивную технологию. Мало сказать, что тут жизнь торопит нас, она неумолимо подгоняет, не давая ни часу передышки».

Из речи товарища Л. И. Брежнева на торжественном заседании в Алма-Ате, посвященном 20-летию освоения целины

БЕСЕДА Л. И. БРЕЖНЕВА С Т. БРАТТЕЛИ

19 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял находившегося в Советском Союзе с официальным визитом председателя Норвежской рабочей партии, Премьер-Министра Норвегии Трюве Браттели.

Между Л. И. Брежневым и Т. Браттели состоялась дружественная беседа, в ходе которой были затронуты вопросы дальнейшего

развития добрососедских советско-норвежских отношений, а также сотрудничества двух стран в решении актуальных международных проблем в интересах европейской безопасности и общего оздоровления международной обстановки.

На с ним и к: во время беседы.

Фото В. Мусазьяна (ТАСС).

Автобус ушел, растворился в тумане подмосковного леса. И теперь в наступившей тишине явственно слышались высокий звук — это пели на больших оборотах мощные тракторные двигатели.

Мы находились километрах в семнадцати от города Чехова, на испытательной станции НАТИ — тракторного научно-исследовательского института.

— Пришлось специально выбрать место полустепной, поглотить, чтобы не беспокоить никого постоянным шумом, — рассказывает директор станции доктор технических наук С. П. Козырев. —

Да и природу подмосковную старелась сберечь... А шумим мы много, — признался он, — сами посудите, приходится испытывать различные тракторные узлы и системы на долговечность. Обычно трактор живет шесть тысяч моточасов, потом его надо капитально ремонтировать. Но мы не можем терять столько времени для полной проверки в рабочих условиях вновь созданных узлов и агрегатов и потому, если можно так выразиться, ускоренно разрушаем здесь тракторы, сокращаем их жизнь в 30—50 раз. Зато потом уже точно знаем, на что способна та или иная испытанная нами но-

винка, можно ли рекомендовать ее промышленности.

— А как вам удается столь резко сократить жизнь трактора?

— Ну, методов ускоренных испытаний много. Впрочем, вы можете их увидеть...

У въезда на станцию нас встречают вооруженные на постамент три стареньких трактора давно забытых моделей. Когда-то, в двадцатые годы, они казались чудом техники и поражали людей так же, как поразили нас сейчас самые современные чудо-тракторы: огромные, широченные колеса, богатырской мощи двигатели, ком-

фортабельные кабины... Был здесь и красавец К-701, выпуск которого ленинградский Кировский завод начнет в ближайшее время, и новейший харьковский трактор Т-150 К, и многие другие модели.

Одна из машин движется каким-то странным образом: резко берет с места и тут же тормозит, еще рывок — и опять остановка... Наконец трактор затихает окончательно, из кабины выбирается испытатель и устало приваливается к горячему, кажется, еще дрожащему тракторному «боку».

— Самое трудное для машины — разгон и остановка. Вот и

К ЦЕНТРУ ТЕРРИТОРИИ СССР...

На карте мира появился еще один символ. * Определен географический центр территории Советского Союза. * Координаты центра рассчитаны с помощью ЭВМ. * Здесь будет поставлен обелиск, посвященный братству народов нашей многонациональной Родины.

Их не так уж много — замечательных географических символов планеты Земля. Эти символы незримы, большинство из них существует лишь на географической карте: Северный полюс, экватор, тропики Рака и Козерога, Полярный круг, границы континентов... И все же человечество навсегда запомнило их местонахождение на поверхности планеты.

В конце XIX и начале XX века были определены еще две исключительные по своей значимости географические точки планеты: центр Европы и центр Азии. Оба они оказались расположенными на территории нашей страны: центр Европы находится в районе города Рахова в Закарпатье, а центр Азии — в столице Тувинской АССР, городе Кызыле.

Мне довелось побывать в обоих этих центрах. Много лет назад там были установлены географические обелиски, привлекающие многочисленных экскурсионных туристов. Здесь никто не остается равнодушным! Память воскрешает имена знаменитых первооткрывателей и исследователей наших земель — Арсеньева, Беллинсгаузена, Беринга, Головина, Дежнева, Крузенштерна, Лазарева, Макарова, Невельского, Обручева, Пржевальского, Седова, Шмидта...

И вот рождается еще одна географическая точка-символ — центр территории Союза Советских Социалистических Республик. Своим откровением она обязана успехам географической науки и вычислительной техники. Коллектив научных работников и одновременно опытных путешественников-спортсменов — заместитель главного редактора журнала «Туристы» Н. М. Тарасов, В. Т. Козулицын, автор этих строк — под руководством доктора технических наук, кандидата в мастера спорта СССР по туризму Петра Алексеевича Бакута — разработал метод математического расчета центра тяжести географической модели территории нашей страны. По мнению Географического общества СССР, предложенный метод расчета позволяет с достаточно высокой точностью определить координаты центра территории СССР.

Где же оказалась эта точка? Ответ был получен от электронно-вычислительной машины. Данные ею координаты были подтверждены и зафиксированы Научно-редакционной картографической частью Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР.

Разверните ваши географические карты, товарищи! С учетом эллипсоидности планеты,

сложного контура границ СССР, в том числе морских границ, географический центр нашей Родины оказался в Тюменской области, в междуречье Оби и Енисея, в верховьях реки Таз. Это место удалено от населенных пунктов и относительно труднодоступно. Бескрайняя тайга покрывает огромный водораздел, с которого на восток, запад, север, юг стекают десятки ручьев и рек. Центр территории СССР находится в краю несметных богатств, вокруг него океан нефти и газа.

Летом нынешнего года туда прибывает комплексная экспедиция. Она доставит оригинальную по своей форме конструкцию обелиска. На его титановой поверхности начертаны слова: «ЦЕНТР ТЕРРИТОРИИ СССР. БРАТСТВО НАРОДОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПОСВЯЩАЕТ СЯ».

Воздвигнув обелиск, экспедиция продолжит путешествие на север, к Ледовитому океану, по верховьям реки Таз, той самой, на берегах которой в семнадцатом веке был поставлен торговый град Мангазья.

А обелиск останется наедине с природой. Но ненадолго. Здесь будут проходить общесоюзные слеты, посвященные дружбе народов нашей многонациональной Родины. Здесь будут встречаться любители путешествий — представители всех национальностей Советского Союза. Длина дороги к этой символической точке одинакова как с Кольского полуострова, так и из Приморского края, как с Украины, так и с Чукотки.

По заданию Географического общества СССР и нескольких научно-исследовательских институтов наша экспедиция выполнит широкое краеведческое обследование района географического центра. Для последующих туристских экспедиций и походов будет собрано, обработано и опубликовано ценная информация о крае, климате, ландшафте, фауне и флоре, о характере рек — это для водных путешествий.

Мы не сомневаемся, что найдутся тысячи энтузиастов, у которых возникнет желание побывать в центре территории страны, прикоснуться своими руками к обелиску, напоминающему по форме перст, наполненный «вечным странствием».

Комиссар экспедиции,
член Географического общества СССР
Валентин ГУКОВ

Макет обелиска «Центр территории СССР» (авторы А. Жадан и А. Усачев). Материал — титан. Общая высота — 5,5 метра.

гоняем ее весь день в таком режиме, а потом инженеры проверяют, как реагирует на это трансмиссия, — объясняет испытатель Александр Зотов.

Огромный, диаметром в 130 метров бетонный трек. По нему, не останавливаясь, карусельной вереницей катятся тракторы. Круг десятый, двадцатый, сотый... В кабинах тракторов пусто — ими управляют на расстоянии. Каждый трактор на «веревочке» автоматикой.

Управление осуществляется по заданной программе, вот с этого командного пункта, — объяс-

няет заведующий лабораторией автоматикой и телемеханики НАТИ кандидат технических наук Борис Ефимович Полижер. — Здесь мы испытываем только сельскохозяйственные колесные тракторы конструкции нашего института и новые модели заводов страны. Трек этот начал действовать совсем недавно, а скоро построим еще один — для гусеничных машин. Потом будет у нас еще и полигон, где тракторам придется месить густую грязь глубиной в несколько десятков сантиметров...

Испытательная станция будет расти. Появятся новые гаражи, лаборатории, цех для испытаний

машин в условиях шестидесятиградусной мороза и шестидесятиградусной жары, в искусственной влажности и в искусственном пыльном бурене...

И нужно все это для того, чтобы подмосковный полигон стал той «инстанцией», которая сможет с полной уверенностью и авторитетом давать путевки в жизнь многогосударственному тракторному семейству. А семейство это пополняется год от года. На поля страны входят новые машины.

«...Еще недавно мощность 95—100 лошадиных сил считалась более чем приличной для тракто-

ре. Сейчас наша промышленность в Ленинграде на Кировском заводе выпускает трактор мощностью 220 лошадиных сил и начала осваивать для села трактор К-701 мощностью 300 лошадиных сил. А специалисты утверждают, что в ближайшем будущем потребуются пахотный трактор еще большей мощности».

Эти слова Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, сказанные им в Аля-Ато, на торжественном заседании, посвященном 20-летию освоения целины, ко многому обязывают и тех, кто создает новые тракторы, и тех, кто их испытывает.

БЕССЛАВНЫЙ ФИНИШ ТОРИ

Николай ПАСТУХОВ

Что показали недавние досрочные выборы в Англии? На этот вопрос стреляют сегодня дать ответ многие обозреватели. Примечательно, что, несмотря на пестроту их политических оттенков, все они сходятся в одном: тори, потеряв в палате общин 26 мандатов, ощутили горечь бесславного финиша. Консерваторы были вынуждены покинуть свои правительственные кресла на лондонской Даунинг-стрит, 10. «Провал азартной игры Хита», «Страна отвергает политику Хита» — таково единодушное мнение английских обозревателей. Их заокеанские коллеги менее страстно, но также весьма выразительно констатировали: «Эдвард Хит серьезно просчитался».

Через две недели после выборов консерваторы, еще не ошившие от политических страстей, решили пойти снова в бой. На этот раз уже в парламенте нового состава во время дебатов по тронной речи королевы, в которой излагалась программа лейбористского правительства. Они внесли поправку, требующую сохранить политику «замораживания зарплат», введенную в свое время Хитом, политику, которая, как известно, всколыхнула всех трудящихся Англии. Пиком рабочего движения явилась невиданная в послевоенной Великобритании забастовка шахтеров, потребовавших радикального увеличения заработной платы. Лейбористы, как только они пришли к власти, удовлетворили все требования шахтеров, проявив тем самым политический реализм.

Однако консерваторы, располагающие сейчас в палате общин 296 мандатами, рассчитывая на поддержку либералов — 14 мандатов, хотели сбросить новое лейбористское правительство, которое имеет 301 парламентское место. Расчет был чисто арифметический, но далекий от трезвой оценки создавшейся в стране обстановки. Новый премьер-министр Гарольд Вильсон пригрозил тори, что в случае их неумолимости он назначит новые всеобщие выборы. Это заявление вызвало смятение в рядах консерваторов.

Лондонские газеты в эти дни были полны материалами, свидетельствующими о растущем недовольстве лидером партии Хитом среди консерваторов — депутатов парламента. Как сообщили газеты, 40 парламентских заднекамеечников-тори заявили, что они не поддержат руководство партии во время голосования по предложенной им поправке. Они мотивировали это тем, что акция лидеров тори в случае неудачи дискредитировала бы партию, а в случае удаче — ускорила бы нежеланные выборы. «Руководящая роль Хита (в партии консерваторов — Н. П.), которая еще неделю назад была беспорочной, сейчас подвергается суровой критике», — писал политический обозреватель газеты «Дейли телеграф». По мнению газеты «Сан», «тори-заднекамеечники преисполнены решимости избавиться от Хита». В итоге Хит снял свою поправку. Срок жизни нового правительства был продлен.

Надо прямо сказать, что лейбористам досталось крайне неблагоприятное наследство. Инфляция, экономический кризис, непомерно раздутые военные расходы, баснословно возросшие цены на предметы первой необходимости, обострившиеся противоречия между трудом и капиталом, неблагоприятный платежный баланс, экономические трения со странами «Общего рынка» — вот далеко не полный перечень проблем, которые надо решать лейбористам, имеющим неустойчивые позиции в парламенте. «Вопрос стоит только так, — указывает газета английских коммунистов «Морнинг стар», — будет ли бремя кризиса взыскано на плечи трудящихся или за него заставят расплачиваться капиталистов».

Первые шаги нового правительства свидетельствуют о том, что оно хочет на умеренных условиях идти по пути выполнения своих предвыборных обещаний. Лейбористы вернули в забой 250 тысяч шахтеров, повысив заработок, заморозили квартирную плату, намереваются повысить пенсии и субсидии на питание, возвратили трудящимся к нормальной рабочей неделе. Бюджет, который будет представлен на рассмотрение парламента в конце марта, покажет, насколько серьезно лейбористы собираются выполнить записанное в их манифесте обещание сократить военные расходы на несколько сотен миллионов фунтов стерлингов в год.

Что касается внешнеполитической программы лейбористского правительства, то она была изложена 19 марта министром иностранных дел Каллаганом в палате общин. Он заявил, что Англия намерена обсудить новые условия ее членства в «Общем рынке», выступает за прочный мир на Ближнем Востоке в соответствии с резолюцией Совета Безопасности № 242. «Мы употребим, — заявил Каллаган, — свое влияние, чтобы довести до успешного завершения совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, второй этап которого проходит сейчас в Женеве». Касаясь англо-советских отношений, министр иностранных дел сказал, что «правительство будет изыскивать возможности строить более надежные и более продуктивные отношения с Советским Союзом».

Вместе с тем выступление Каллагана в парламенте, как отмечают английские обозреватели, содержит лишь общие контуры внешнеполитической программы нового лейбористского правительства. Реальную суть этой программы покажут практические дела.

Положение, создавшееся в Англии после выборов, таит в себе массу неожиданностей. Перед страной стоят серьезнейшие проблемы, решение которых может произойти только в условиях социального прогресса и ограничения власти крупного капитала.

«ТАКАЯ ЭТО СТРАНА»

Могучие порталы краны и тихая деревушка у таежной реки, академик-астрофизик и звенящий охотник, чуткие руки хирурга, делающего операцию на сердце, и руки рыбака, тянущего сеть, сложные электронно-вычислительные машины и карты, бегущие по белому простору. Все это фотографии — миг, запечатленный навечно.

Я хожу по выставочному залу Дома советской науки и культуры в Праге и не перестаю радоваться необычайно светлomu чувству, охватившему меня тут. Выставка фотографий чехословацких журналистов Йозефа и Мартина Машинных, только что открывшаяся в Праге, называется очень просто и в то же время емко — «Такая эта страна». Журналисты рассказывают о Советском Союзе языком фотографии, не просто фиксируя то или иное событие, того или иного человека, но раздумывая над запечатленным, заставляя зрителя внимательно вглядываться в происходящее и как бы проникать в глубь его.

Серия портретов советских людей — от всемирно известных академиков, поэтов, артистов до весело улыбающегося узбекского дехкана или дальневосточного рыбака — это то главное, что заставляет зрителя подолгу задерживаться в выставочном зале. Удивительно красив, умен, силен, жизнелюбив и внимателен ко всему окружающему этот собирательный образ советского человека, представленный искусством фотожурналистов. Он, этот образ, снова и снова приводит на выставку сотни и сотни пражан, и все новые и новые добрые отзывы появляются в книге посетителей.

— За один час я посетил весь Советский Союз, — сказал мне рабочий завода «Авто-Прага» Брантишек Рудольф. — Я увидел много, очень много и думаю, что эта выставка — еще одна страница великой дружбы чехословацкого народа и народов Советского Союза.

Выставка только что открылась, но уже привлекла к себе большое внимание. Чехословацкий союз журналистов намерен экспонировать ее во многих городах республики.

Ю. СБИТНЕВ

Прага.
По телефону.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

УЛЫБКА

Сцена в кабинете Президента.

Фото А. Варламовой.

ПОБЕДЫ

Читатели «Огонька» видели эту фотографию — она была опубликована в журнале в 1969 году. На ней изображена южновьетнамская студентка Во Тхи Тханг.

В 1968 году Тханг, которая вела патристическую работу, была схвачена сайгонской полицией. Над ней устроили судилище. Когда огласили приговор — двадцать лет каторжных работ — девушка повернулась к судьям спиной и улыбнулась. Улыбка Тханг, пойманная объективом фотоаппарата, обошла чуть ли не весь мир. В ней была уверенность в своей правоте, бесстрашие перед тиранами, вера в окончательную победу.

В феврале — марте 1974 года сайгонская администрация под давлением общественности была вынуждена передать группу военных и гражданских лиц, находившихся в заключении, властям Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам, как этого требует парижское соглашение 1973 года. Передача проходила в городе Лонгин, на территории, контролируемой ВРП РЮВ. В списках людей, подлежащих освобождению, стояла имя Во Тхи Тханг. Шесть лет Тханг провела в сай-

гонских застенках, пройдя все круги сайгонского тюремного ада. Она была в иррациональной Тхуаюон, за решетками Танхией, на острове Юндао, прославившегося режимом «тигровых клеток». Пытки не сломили ее. И тогда Тханг выходила из помещения, где находились заключенные, ее лицо освещала улыбка победы.

«Благодаря борьбе моих соотечественников я освобождена из тюрьмы. Хочу снова быть в рядах борцов, вместе с моими товарищами», — сказала она журналистам.

Тханг на свободе. Но борьба еще не окончена. В тюрьмах сайгонского режима томится 200 тысяч человек. Власти Тхиену преследуют патриотов, силой оружия продолжают «умиротворять» население, затевают новые военные провокации против освобожденных районов. Сейчас Во Тхи Тханг вместе с теми, кто борется за демократию и свободу, за подлинное осуществление прав народа Южного Вьетнама.

А. СЕРБИН

Халой.
По телефону.

ХРОНИКА ОДНОГО ДНЯ

...После того как спектакль закончился, никто из театра не ушел.

Сначала публика аплодировала актерам. Потом антеры аплодировали публике. Как-то раскрасневшаяся юная зрительница, стремглав бросившись с сцены, взволнованно прокричала: «Мы с тобой, Чили!» Голос ее, звенящий от волнения, сорвался, и она сирывалась, убежала так же внезапно, как появилась, видимо, смущенная до чрезвычайности своим порывом... И тогда все снова принялись аплодировать — еще дружнее и громче.

Премьера «Хроники одного дня», которую старейший русский драматический театр — Воронежский имени Алексея Кольцова — поставил события в Чили, рассказывает о мужестве и стойкости Сальвадора Альенде и его соратников-революционеров, о величии непокоренного чилийского народа... И, забывая вперед, хочется сразу сказать: решающей причиной успеха создателей пьесы Э. Пашнева и Г. Дроздова, художница Н. Гапоновой и всего постановочного коллектива явилось, по-моему, то, что они сумели ощутить жизнь героев Чили, воспринять и почувствовать силу их подвига, величие их борьбы...

Несмотря на фрагментарность, прерывность, порой неполноту эпизодов, воспроизводящих минуту за минутой тот самый день, о котором повествует театр, в спектакле чувствуется стремление увенчать облик Альенде и его сподвижников. И эта цель театром достигнута.

Вдова Альенде как бы ведет нас через все то, чему суждено было произойти одиннадцатого сентября 1973 года, отмечая движение времени, кратко комментируя смысл трагических событий.

Антрису Р. Кириллову в роли Вдовы надо по достоинству назвать первой среди исполнителей. Она играет просто, но образ напряжен, масштабен, дышит большим внутренним волнением. Героиня ни разу не дает своему отчаянию, горю прорваться наружу. Однако духовное ее состояние прочитывается во взгляде, голосе, немногих жестках. Впрочем, такая же благородная, строгая манера, психологическая насыщенность исполнения отличают и антерскую работу В. Седова в труднейшей роли Президента. Седов — Альенде прожигает на сцене путь духовного прозрения...

Убедительные образы тех, кто шел с Альенде до конца: Товарищ министр — Ю. Платонов, Врач — В. Гликин, Секретарь — А. Гладнев, Карабинер — И. Чемянов, Юноша Маркос — И. Краснополоский...

Думается, постановка воронежцев, безусловно, не стала бы тем, чем она стала, без замечательного, яростного народного антифашистского действия, — если бы эпизоды во дворе не перемежались массовыми сценами. Решенные главным режиссером театра Г. Дроздовым непринужденно, динамично, по правилам, по приему, который допускающему известную раскованность и даже импровизационность поведения массовых почти во всех эпизодах зрителей, можно сказать, как нельзя более «впору». Яркую, звонкую контактность их с публикой усиливает замечательный образ Певца, завершающего народного хунто, но не славящегося народным героем... Роль эта блистательно сыграна Ю. Кочерговым. Тесня его (как и музыку Г. Ставонина) не стали истинными номерами. Они здесь поистине живой элемент в сложной ткани спектакля, еще одна мощная сила творческого воздействия на зрителя.

Вилеты на «Хронику» здесь раскуплены уже на многие спектакли вперед, и какое представление становится яркой демонстрацией любви и героическому чилийскому народу.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Воронеж.

К ДРУЗЬЯМ

Н. ЦВЕТКОВА,
ДМ. БАЛТЕРМАН,
Ю. КРИВОНОСОВ,
Ю. ЛУШИН,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

НА «ЖИГУЛ

25 ЛЕТ
СЭВА

ОГОНЁК

ПРЕДИСЛОВИЕ К РЕПОРТАЖАМ

Не было ни речей, ни аплодисментов. Никто не размахивал клетчатым флагом, не стрелял из стартового пистолета, не вел обратный отсчет секунд и не командовал: «Пуск!» Мы пришли перед дальней дорогой на мокрый гранит

паралета, мгновение помолчали и начали прощаться с друзьями. И тогда прозвучали слова: «Вперед и прямо, как говорят на ВАЗе!» Машины скользнули по выражу пандуса, выскочили на Калининский мост, и здание СЭВа, от которого мы начали наше путешествие, осталось позади.

Нет, совсем не случайно старт был взят от здания Совета Экономической Взаимопомощи. Путешествие «Огонька» было задумано в связи с двадцатипятилетием этой первой международной экономической организации социалистического типа. С каждым годом растет авторитет социалистического сотрудничества, его многообразное влияние на современный мир, и это подтверждает правоту ленинского вывода о том, что «...главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой».

Четверть века жизни СЭВа показала всему миру, что согласованная экономическая политика входящих в него стран обеспечивает не простое сложение, а умножение их сил. За минувшие годы эти страны увеличили объем промышленного производства более чем в 12 раз!

«Огонек» решил рассказать своим читателям о том, как сегодня осуществляется социалистическая экономическая интеграция между братскими странами.

...Наш выбор остановился на автомобиле «Жигули», который, образно говоря, рождается на «Большом конвейере» СЭВа. К этой поездке мы начали готовиться несколько месяцев назад. Тогда путешествие, задуманное «Огоньком», казалось еще далеким. Но вот одна за другой стали поступать телеграммы: «Подтверждаем участие в экспедиции «Жигули». Предлагаем на пути из Чехословакии в Венгрию сделать совместный репортаж из города Пухова по пути в Братиславу, где производят шины для «Жигулей». Братислава. Журнал «Живот»: «Согласны принять участие в подготовке серии совместных репортажей на тему: Большая конвейер СЭВа в действии. Предлагаем посетить завод в городе Ловене. Ждем вашу бригаду. София. «Огонь Болгарии».

Потом все чаще стали раздаваться звонки из Праги, Варшавы, Будапешта, Берлина, Белграда, а разговоры становились все более продолжительными. Вместе с коллегами из братских журналов социалистических стран мы обсуждали в деталях планы и маршруты предстоящей экспедиции.

Решено, что в каждой стране к нам будут присоединяться по очереди друзья из журналов «Пшисиян» в Варшаве, «Фрайе вельт» в Берлине, «Кветы» в Праге, «Живот» в Братиславе, «Орсак вилат» в Будапеште, «Свет» в Белграде, «Огонь Болгарии» в Софии и «Плакар» в Бухаресте. Интернациональной журналистской бригаде предстояло подготовить се-

рию репортажей о сотрудничестве наших стран.

Наконец раздался самый долгожданный звонок. На этот раз звонили с первого этажа к нам на пятый: «Вы ожидаете две машины из Тольятти? Так вот, мы уже тут, у подъезда!»

Генеральный директор объединения Волжского автозавода Виктор Николаевич Поляков выполнил просьбу «Огонька» — у подъезда нашей редакции действительно стояли две светлые машины марки «ВАЗ-2103», которые завод предоставил для этой поездки. В тот день наша выездная бригада увеличилась до шести человек. Вместе с нами в путешествие по социалистическим странам едут два водителя: первую машину ведет начальник конструкторского бюро Геннадий Илчичин, а вторую — водитель-испытатель Юрий Гирин.

Наши водители. О них стоит сказать особо. Их любовь к автомобилю безмерна. Она их объединяет, в остальном же они очень разные. Юрий Гирин большой, неторопливый в движениях и немногословный, а Геннадий Илчичин невысокий, горячий в споре. Наверное, в Италии, где он больше года проходил стажировку на заводе «Фиат», его приняли за итальянца. Медлительный Гирин совершенно не выносит медленной езды, и, кажется, это единственное, что способно вывести его из равновесия.

Гирин — донской казан, на минуту от знаменитой станции Вешенской. В детстве бегал по пыльной улице за всеми шоферами с криком:

«Дяденька, прокатит!»
Для Язза, лучший станичный шофер, посадив мальчонку в кабину. Это и решило его судьбу. После школы Юра поступил в техникум в Новочеркасске. Однажды прочел в газете про Волжский автозавод, биография которого тогда только начиналась, и не долго думая махнул в Тольятти. Приехал и остался, стал строить завод — возил бетон, железобетонные балки, оконные переплеты. И мечтал испытывать новые машины. Мечта его исполнилась.

Илчичин был начальником конструкторского бюро Минского автозавода и уехал, чтобы своими руками строить ВАЗ. Удивителен этот магнетизм крупных строений. Человек знает, что там будет на первых порах трудно, очень трудно, но все-таки едет. У Гены в Минске была хорошая квартира, интересная работа, готовил диссертацию. А он все бросил и уехал в неизвестное. Не за длинным рублем — нет, зарплата осталась прежней. Тогда в чем же дело?

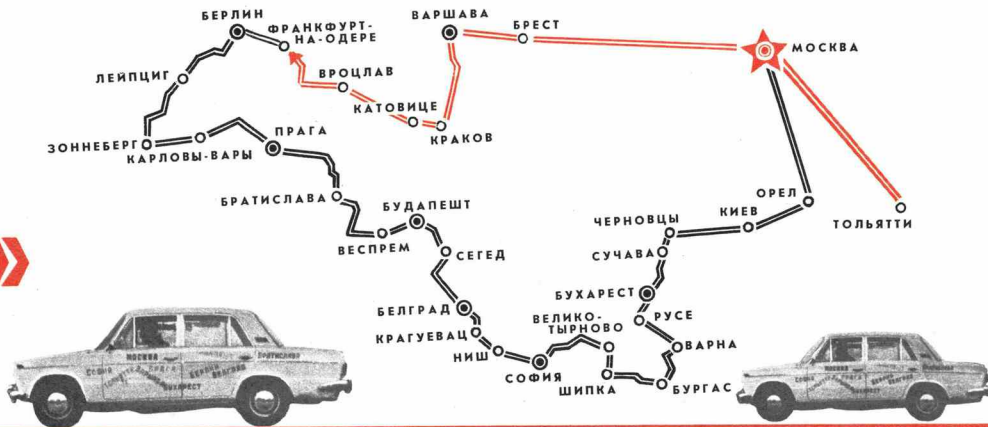
На ВАЗе интересно — объясняет он. А диссертация? Что же, Геннадий заканчивает ее уже на ВАЗе и даже начал писать учебник об автомобилях.

...Итак, мы едем к друзьям на «Жигулях»! Девчата-маляры с автобазы издательства «Правда» веселыми красками написали на капотах и багажниках: «БОЛЬШОЙ КОНВЕЙЕР СЭВа», — а на боках обеих наших машин — маршрут путешествия, которое продлится целый месяц:

ТОЛЬЯТТИ — МОСКВА — ВАРШАВА — БЕРЛИН — ПРАГА — БРАТИСЛАВА — БУДАПЕШТ — БЕЛГРАД — СОФИЯ — БУХАРЕСТ — МОСКВА — ТОЛЬЯТТИ.

Вырвавшись на просторы Минского шоссе, мы пристегнулись ремнями и, окутанные облаком брызг — шел дождь со снегом, — помчались на запад, в сторону Бреста... Наш репортаж мы будем вести по очереди.

ЯХ»

Новелла ЦВЕТКОВА

БУДЕТ ВТОРАЯ ПОЛЬША

Вот это молодцы, приехали точно в срок!
— Как дорога? Как показались себя машины?
— Где же их поставили? У нас во дворе!

Вальдемар, нужно сделать срочно снимок. Подпись такая: «Экспедиция «Жигули» в Варшаву». Эльжбета, дорогая, организуй, пожалуйста, кофе для гостей...

Так нас встречали в польском журнале «Пшиязнь». Привычная редакционная обстановка. Кажется, будто и не уезжали из дома, тем более что все, кто нас обнимает, пожимает руки и усаживает в кресла, отлично говорят по-русски. Впрочем, что же тут удивительного! «Пшиязнь» — орган Об-

щества польско-советской дружбы. «Опекунка» нашей группы стал Андрей Дзиковский, очень симпатичный, энергичный человек. Успех первой на нашем маршруте рабочей «стыковки» целиком в его руках. Мы обрадовались, узнав, что Андрей уже все подготовил: сегодня вечером — встреча в экономическом еженедельнике «Жиче господарче». Завтра с утра будем на заводе, где делают польские «Фиаты». По пути посмотрим детскую автошколу. Через день выезжаем в Силезию, в город Sosnowiec, на завод электротехнических изделий, который поставляет в Тольятти электрооборудование... Деловой разговор оборвался неожиданно: кто-то из нас неосторожно повнимательней, есть ли у Дзиковского собственная машина. И тут выяснилось, что перед нами владелец новенького польского «Фиата». К тому же временно у него на руках «беспризорный» автомобиль приятеля, и он не совсем в порядке. Жертвами этого обстоятельства пали вазовцы.

— Вот вы мне объясните, ребята, почему, когда я переключую скорость, у меня получается...
Вначале это было похоже на беседу мнительного больного с вра-

чами-оптимистами. Но потом заочная консультация по поводу недомоганий машины-варшавянки незаметно перешла в интервью о прошлом, настоящем и будущем ее близкого родственника из Тольятти. И вот уже догадливые сотрудники «Пшиязни» включают магнитофон, вазовцы едва успевают отражать атаки польских журналистов. «Что лично вы больше всего цените в автомобилях», «Какие испытания прошли «Жигули?», «Как показала себя на дальних дорогах резина?», «Мы слышали, что скоро будут выпускать машины двадцати расцветок, это верно?», «Как ведут себя «Жигули» при температуре минус сорок градусов?»

Наконец, Андрей деловито переместил кассету на магнитофоне.
— Спасибо большое! Я думаю, этот материал пойдет в один из ближайших номеров!
Вазовцы озадаченно переглянулись.

— Ну, если такое дело, может быть, стоит еще поговорить?

— Конечно, поговорим еще! — заверил «опекун» и, глянув на часы, предложил: — Поехали смотреть Варшаву! Кто из вас тут впервые!

Трое, как на школьном уроке, подняли руки.

— Отлично! Тогда начнем с Дворца культуры и науки, — решает Андрей. — Я на своей машине еду первым, вы старайтесь от меня не отставать. Иначе обязательно потеряетесь! Сейчас даже варшавяне не знают толком, как и куда можно проехать. Весь город перерит — тут идет одна из самых больших наших строек.

...Вот он, самый высокий варшавский дом. Скоростной лифт поднимает нас под самую крышу. Здесь устроена обзорная площадка. Стоп! На пути к новой Варшаве нас встречает ее прошлое. Мы стоим у фотографии и смотрим на то, что было Варшавой в январе 1945 года. Пустыня, двадцать миллионов кубометров щебня. Погибла почти половина жителей. Но город продолжал сражаться. За героизм и мужество польскую столицу, как солдата, наградили самыми высокими боевыми орденами: Грюнвальдским крестом и крестом Виртути Милитарии.

А теперь несколько шагов вперед, и перед нами залитая солнцем живая, деятельная, неповторимая Варшава! Город, восстав-

ший из пепла, у которого теперь две метрики-родословные. Первая, многоволовая, восходит к легенде о любви балтийского рыбака Варса и рыбацки Савы, от имен которых и получила свое имя Варшава. Вторая метрика выдана в январе сорок пятого, когда было решено, что город, уничтоженный гитлеровцами, вновь будет столицей возрожденной Польши.

Рядом с нами панорамой Варшавы любовуются дед и внук, мальчуган лет шести. Мальчишка не узнает своего города.

— Что это? — тормошит он деда.

И тот нетерпеливо, любовно объясняет:

— Посмотри-ка, хорошенько, Янек, это ведь Маршалковская улица. А там, видишь, Висла?

Помнишь, мы ехали по большому мосту? Я уже тебе рассказывал, как люди заново построили его.

— Кто построил?

— Все мы, поляки.

— И ты тоже?

— И мы вместе со всеми!

Дед, конечно, помнит то время, когда на Западе, лицемерно въздыхая, кое-кто изрекал, что Варшаву восстановить невозможно, что надо перенести столицу на новое место и что минимум полсотни лет уйдет на то, чтобы построить все сначала. Польский народ решил, что Варшава будет жить, и совершил во имя великой любви и ней трудовой подвиг. Внук узнает об этом потом, когда пойдет в школу. Дед это подвигом не называет. Просто он, нан и каждый поляк, не представлял себе, что могло быть иначе.

«Весь народ строит свою столицу!» Седой человек, что стоит рядом с нами, помнит, как лозунг партии стал делом каждого поляка. Ведь многое из того, что мы видим сейчас и чем гордятся варшавяне — красивые улицы и мо-сти, Старе Мйсто, новые кварта-лы, — построено на средства, добровольно внесенные ими в фонд города. Мало того! Тысячи людей со всех концов Польши приезжа-

ли сюда в дни своего отпуска, чтобы посвятить его восстановлению Варшавы.

А теперь? Теперь столица живет новым лозунгом: «Построим вторую Польшу!». Что это означает? Как раз в канун нашего отъезда в «Огонеки» пришла бандероля из Варшавы. В ней оказалась новая книга Януша Пшимановского, польского писателя, автора знаменитых «Четырех танкистов и солдата». В книгу посвященную не забываемому 1944 году, когда была рождена народная Польша, писатель вложил несколько рукописных страничек. В них речь шла о новой, второй Польше, которую сегодня строит весь народ.

«... Мне кажется, что этому лозунгу, провозглашенному партией, суждено устоять передо всеми телесной силой времени и войти в историю. Построим вторую Польшу... Значит, что к нам с нарядом домом мы хотим поставить другой, новый, рядом с заводом построить еще один, словом, увеличить наше богатство? Вскоре крупнейшие ученые нашей страны представят партийному и государственному руководству план развития на предстоящие 15–20 лет, а также прогноз до 2000 года... Разумеется, этот план не может основываться лишь на количественных показателях. «Вторая Польша» должна быть качественно иной по сравнению с первой. Начав строительство металлургического комбината в Катовице, мы не собираемся повторять завод в Новой Гуте, который в какой-то мере уже морально устарел. Разумеется, создать предприятие, где будет меньше рабочих и служащих, но они будут иметь значительно более высокую квалификацию... Такое предприятие сможет давать больше продукции лучшего качества... Речь идет не о том, чтобы Польша, более экономно расходуя сырье, производила в два раза больше тракторов и комбайнов, но чтобы они коренным образом отличались от ранее производимых».

— А теперь по машине, — снова командует Дзиковский, — едем туда, где рождается Варшава XXI века.

Пристроившись к веренице машин, медленно проезжаем центр города. Теперь это гигантская строительная площадка.

Варшава, Варшава, тебя сегодня узнают! Бульдозеры и экскаваторы прочертили через твои улицы, площади и парки будущую скоростную Лазенковскую магистраль. Здесь, в Варшаве, ясно видишь ту главную задачу, которую предстоит решить новой, скоростной магистрали. Речь идет о генеральной реконструкции всей транспортной системы города. Будущая трасса пересечет в восьми местах крупные узлы движения в городе и обеспечит бесперебойный собственный проезд. А пока что мы ехали через центр со скоростью не больше двенадцати километров! Магистраль пройдет через Варшаву по подземному туннелю, эстакадам и виадукам, пересечет по новому мосту Вислу. К ней мы и едем вдоль будущей трассы. В глубоких траншеях урчат экскаваторы. Кое-где уже выросли бетонные стены, которые скоро накроет крыша туннеля. У берегов реки поднялись опоры виадуков и эстакады.

— Наверное, через год уже можно будет увидеть это чудо дорожной инженерии завершаемым? — спрашиваем у нашего коллеги из «Пшияни».

— Ошибаетесь, друзья! Лазенковскую скоростную магистраль мы завершим, пожалуй, раньше, к 22 июля 1974 года. Это — подарок нашей Варшаве к 30-летию народной Польши!

С МОТОЦИКЛА НА АВТОМОБИЛЬ

На встречу в журнале «Жиче господарче» мы все-таки опоздали! Отогнавшись от машины Анджей, мы потерялись и в третий раз объезжали по кругу незнакомую площадь. Молодой эlegantный миллионер сначала с интересом наблюдал за странными маневрами двух белых «Жигулей», а потом, оставив свой пост, решительно двинулся нам навстречу. Мы замерли: сейчас будет штрафовать. «Интересно, сколько тут надо платить?» — мрачно поинтересовался бухгалтер нашей группы.

Срочку порядка винительно излучил надписи на машинах и широко улыбнулся:

— Панове участники ралли? Сконд панове? 3 Москвы!

Настало время испытывать одного из членов нашего экипажа, который по дороге в Варшаву утверждал, что родился на Маршалковской, и мы надеялись на него, как на переводчика. Выручила карта Варшавы, который мы предусмотрительно обзавелись еще в Москве.

Но это дорожное приключение пошло на пользу дела. Главный редактор экономического еженедельника «Жиче господарче» Ян Гловчик теперь мог, не задерживаясь на транспортной проблеме Варшавы, перейти к главному — перспективам автомобилизации.

В пятидесятые годы мы возводили прежде всего заводы грузовых машин для главных строек страны, — объяснял Гловчик. — Автомобилисты долгие годы довольствовались мотоциклом. Но в последние несколько лет спрос на них резко упал. Уже не помогают ни сезонное снижение цен, ни удобная система продажи в кредит.

В нашем журнале мы читали статью о том, что в Польше кончилась эра мотоцикла и началась эра легкового автомобиля.

— Именно так! И это закономерно — известно, что с повыше-

нием доходов населения растет спрос на легковые машины.

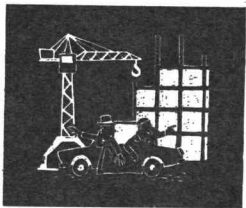
— На польских дорогах много машин из СССР, ЧССР, ГДР. Но, видимо, импорт уже недостаточен?

— Как и производство машин, которые мы производим сегодня сами!

На Варшавском заводе легковых автомобилей мы увидели фильм, запечатлевший знаменательный день — 6 ноября 1951 года, когда с заводского конвейера сошла «Варшава» под номером «000001». Это был первый польский автомобиль, созданный на базе советской машины «Победа». Перед нами оминала история. Мы видели, как радовался сварщик Евгений Кинсер (теперь главный механик завода) и его товарищи, как радовались вместе с ними советские специалисты, помогающие пускать конвейер. И нам казалось, что мы тоже были на том празднике.

— Вот так рождалась польская автомобильная промышленность, — сказал директор. Без «Победы» не было бы «Варшавы», а без «Варшавы» не было бы польского «Фиата».

— Польский «Фиат», который мы выпускаем с 1967 года, — большое достижение нашего автомобилестроения, — рассказывает корреспондент «Жиче господарче» Кароль Шварц. — Эта машина на 85 процентов состоит из деталей, сделанных в Польше. В 1971 году

Варшавский завод легковых автомобилей выпустил 58 тысяч польских «Фиатов», а в 1975 году их всего по дорогам страны побегит миллион польских легковых машин. В 1988 году — уже две милиона.

— В какой степени осуществление этих планов связано с кооперацией Польши с социалистическими странами?

— Без кооперации с Советским Союзом и югославским заводом «Ирвена застара» в серийном производстве деталей эти планы невыполнимы! Польша в рамках СЭВа специализируется на выпуске машин для перевозки продуктов, фурагов, помарных автомобилей, маленьких машин-холодильников «Ирис» и больших передвижных ремонтных мастерских. Наша страна уже отправляла за границу свыше 250 тысяч таких автомашин. В рождении малолитражного польского «Фиата-126» население страны приняло самое непосредственное участие. Конструкторы учли пожелания отдельных семей, коллективов, рабочих и торговцев. Чтобы быстрее дать людям новую машину, было предложено каждому, кто имеет средства на ее приобретение, оформить заказ и внести деньги на специальные книжки в Сбербанк. — частично или полностью, на это делается при покупке кооперативной квартиры. Хочешь раньше получить машину — плати диалог побольше, позже — взнос будет меньше!

А если кто-то раздумал покупать машину, тогда государство возвращает ему деньги с процентами. Люди ничего не теряют. 250 тысяч машин уже заказано на основе таких взносов.

РЕПОРТАЖ ВЕДЕТ

przysajzn

Вальдемар СОБЕЦКИЙ

Фото С. Чарногурского.

САГА О ДИНАСТИИ СТАНИШЕВСКИХ

Владела Станишевского по праву называют одним из владельцев автозавода на Жерани. Сорок лет назад он бегал в коротких штанишках там, где теперь возмущаются чехи и где были когда-то домишки рабочей охраны — Пеловизны. Домик его отца стоял там, где сейчас шестой чех.

...И вот я в квартире Станишевских. До них здесь жили советские специалисты, которые помогали строить завод.

Глава семьи числился в заводской картотеке под номером «2820», самый младший сын, Влад-

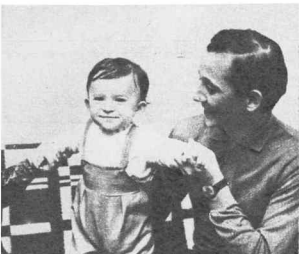
Валда Станишевский.

зимеж, зарегистрирован уже 56538-м. Между этими двумя цифрами — целых двадцать лет жизни, вся история семьи Станишевских.

Начало. Это маленький домик отца-столяра, мечтавшего дать хорошую специальность единственному сыну Вавла. Ему удалось окончить автомобильно-летную школу. Но, несмотря на то, что моторы силлись ему по ночам, механиком парень не стал. Для того специалиста, как он, накануне войны работы не нашлось. Потом война. Концлагерь. Оттуда он совершил побег, пробирался по оккупированной фашистами территории и, наконец, оказался в Варшаве. Здесь он был в дни Варшавского восстания, и здесь, на Пеловизне,

«СТОП, НА ДОРОГЕ ДЕТИ!»

Кем ты станешь, Войтек!

застало его освобождение. Работал на восстановлении варшавских мостов, расчищал улицы от развалин.

Потом меня направили в маленький городок Млаву, там я работал сначала инспектором по труду и социальному обеспечению, а потом в городской администрации. Однажды услышал необычную новость: в Варшаве создается автомобильный завод. И сразу же мне вернулись детские мечты. Я уже твердо знал, что не хочу ничего иного — только это.

На первых порах создания завода и станам становились молодые рабочие, главным образом парни, приехавшие из глухих деревень. Осваивая сложные оборудование их учили советские специалисты.

Спустя несколько месяцев с конвейера сошли первые «Варшавы». Это был первый автомобиль не только для предприятия, но и для всей страны, — вспоминает Вацлав.

Как выглядела тогда завод на Жерани?

— Представьте себе большую строительную площадку — действовали только два цеха. На стройке трудился и мой отец. Тогда завод был для меня миром и работой и домом, не раз прямо в цехах шли концерты.

Два открытия принесли Вацлаву Станишевскому широкую известность и титул заслуженного мастера в области техники в 1967 году. Но это далеко не все. На личном счету Станишевского более 30 рационализаторских предложений. Наиболее ценным является патент № 25932, который был запатентован одной американской фирмой.

С заводом связан и все семья Станишевских. В 1962 году сюда пришла жена Вацлава Мария, ныне экономист. Потом сыновья: Рышард — инженер-технолог инструментального цеха, Богдан — техник-электрик и Владзимисл — студент заводского филиала Варшавского политехнического института.

Случайно ли так получилось?

— Во всем отец виноват, — шутит сын. — Это он создал в доме атмосферу постоянного интереса к делам завода.

Умело направляя жизненный путь своих сыновей, Вацлав воспитывал их отличными специалистами.

— Я уверен, — говорит он, — только то, что долгое время работает на предприятии и видит в нем свой родной дом, может стать хорошим работником.

Скромный, малоразговорчивый токарь Варшавского завода легковых автомобилей становится членом Центрального Комитета ПОРП двух сроков полномочий. Дважды коллектив вручил ему мандат делегата съезда партии, в рядах которой он уже двадцать лет.

И тут сыновья стараются не отстать от отца. Рышард — член партийного бюро в своем отделе, а самый младший Войтек, сын Богдана — самый младший из поколения Станишевских, — тоже войдет в эту заводскую семью!

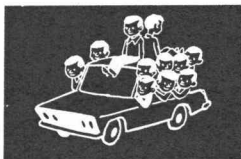
В этой главе речь пойдет об одном любопытном детском городке, который находится в варшавском районе Муранов.

...Мы приехали туда в неудачную пору: накрывал дождик, было ветрено и сумрачно. Оставив машины у высокого забора из зеленой сетки-кольчужки, направились к одностанному домику неподалеку от входа. Неожиданно путь преградил красный свет. Мы остановились и тут только заметили, что все асфальтовые дорожки вокруг расчерчены акриловыми белыми линиями. На одних дорожках были нарисованы пешеходные переходы — «зебры», на других — повороты, «островки безопасности».

Первыми увиденное оценили «вазовцы»:

— Здорово у них все оборудовано! Тут тебе и наглядный урок по всем дорожным знакам и место, где можно маневрировать на машине...

«Огоньки» проявили оптимизма куда меньше.

— А где же ребятки? Чего доброго, из-за такой погоды занятия не будут!

Но занятия состоялись, хотя начались они в тот день не совсем обычно. Андрей Дзиковский представил нас аудиторией. Человек двадцать мальчиков и девочек от десяти лет и старше с нетерпением, собственным своему возрасту, выслушали рассказ о том, что мы такие и куда едем.

Зато Геннадия Клячкина слушали уже внимательно: вот это да! — ведь он, оказывается, сам, своими руками строил громадный автозавод на Воле!

Вопрос к «докладчику» был один: «Можно нам проехаться на ваших «Жигулях»? «Можно!» Первыми в машину забралась мальчишка. Они еще не достигли того возраста, когда все без исключения польские мужчины проявляют галантность по отношению к слабому полу. Пришлось вступить за девочек, тем более что Яцек Янковский, инструктор этого детского городка, утверждал, что они отлично разбираются в правилах езды.

Несколько раз проехали наши «Жигули» по дорожкам, прежде чем «аудитория» была полностью удовлетворена. Теперь можно было приступать к интервю... но хотя бы вот с этими тремя пассажирами, которые, как мы заметили, ухитрились проехать дважды.

— Как вас зовут, ребята? Сколько лет? Где живете?

— Я Марек Скрипач, мне тринадцать лет.

— А меня зовут Славек... Славек Влодерский, мне тоже тринадцать лет.

— Мне меньше — всего двенадцать. Зовут Войтек Мрозовский, а живем мы все на улице Стара, в доме четыре.

— Почему вы ходите сюда на занятия? Может быть, около вашего дома нет хорошего двора?

Все трое дружно бросились заступаться за свой двор. Оказавшись, у них и двор отличный и ребята что надо! Так почему они все-таки раз в неделю обязательно приезжают сюда после школы?

— Мама подарила мне на день рождения велосипед, — говорит Войтек. — Разве же интересно кататься только во дворе!

— Почему только во дворе? А на улице разве не сумеешь?

И снова мальчишки вторым объясняют непонятным иностранцам, почему в Варшаве на улицах на велосипеде разрешается далеко не всем ребятам, у которых есть велосипеды! Сначала — полтора месяца ходить на занятия в детский городок, изучать правила движения. Потом — сдать экзамены, и только тогда ты получишь «велосипедное удостоверение», где будет написано, что Войтек Мрозовский, который живет в доме четыре по улице Стара, имеет право водить велосипед...

Милиция бдитительно следит за наждами юным велосипедистом, и без удостоверения проехать невозможно.

Инструктор распахнул двери гаража и вывел на морозе от дождя воронку электромобиль. Те, кто оказался поближе и нему, успели занять свободные места в машинах. Занятия шли своим ходом. Мы стояли в стороне и беседовали с директором Дома пионеров района Муранов. Евгений Голдеский, так звали директора, объяснил, что в Варшаве есть три таких учреждения, которые выполняют важную задачу — подготовить ребят к жизни в большом городе, насыщенном всевозможным транспортом. Мальчишки с улицы Стара, которые дали нам интервью, не знали о том, что в эту школу приходят не только те, кто хочет получить «велосипедное удостоверение». Историю, только за прошлый год их было выдано две тысячи! Главное, что через эти городки движения практически проходят все школьники и даже ребята из детских садов! Шесть недель по два часа в неделю — немного теории (в школе 14 инструкторов), побольше практики в виде занятий игры — вот и весь курс! Хотите знать, чем занимал эту умную, полезную игру с детьми? Школа вместе с милицией! Вот уже несколько лет по всей стране проходит массовая акция под названием «Стоп, на дороге дети!».

ЗАВОД ПЛЮС ЗАВОД

Мы въехали в Катовице, не успев удивиться размаху этого промышленного центра Силезии. Зато удивились утром. Город покорила масштабам, широтой улиц, размахом строительства. Мы ехали и ехали по нему, а он все не кончался. Через час или полтора выяснилось, что уже подвезаем и Сосновец.

— А где же граница между городом?

— Границы нет. Один город переходит в другой и тянется на десятки километров.

Почему Сосновец? Может быть, когда-то тут шумел сосновый лес, но сейчас не найти ни одной сосны, заводы, дома, опять заводы... Мы на одном из них, где выпускается осветительная арматура для «Жигулей».

Директор завода электротехнических изделий Андрей Казуба рассказал, что только в 1973 году завод поставил 350 тысяч комплектов осветительной арматуры, а по полному потребностям ВАЗа растут, производство будет расширяться. Мы шагали заводов, цехов, заводов, домов, опять заводы... Знакомьтесь — Болеслав Талин, живая история и директор завода...

А. Казуба

— Что же, у вас два директора? — удивился мы.

— Нет, что вы, — смущается Талин, — я бывший директор, самый

первый после войны. Теперь я мастером инструментального участка работаю. В 45-м, когда Советская Армия освободила Польшу, кадров не хватало, и мне предложили: будешь техническим директором. Конечно, тогда завод был совсем не тот, что сейчас. Я ведь тут 45 лет работаю. Помню, до войны маленький был заводик, человек сто работало, находились он, конечно, в частных руках. Производили тогда разную металлическую галантерею, значки. Когда же пришла Советская Армия — я тогда уже был коммунистом — мы начали выпускать звездочки, значки, которые военные носят на шапках. Оборудование было разбито, технических кадров не хватало, директор, то есть я, сам стоял у станка, потому что слесарей-инструментальщиков не было.

— А знаете, — вмешался сегодняшний директор завода, — Боле-слав Талик награжден Золотым значком за заслуги перед Католическим воеводством, Бронзовым крестом за участие в пуске нового завода.

— Когда же это было?

— В 1968 году, после заключения соглашения с СССР о сотрудничестве в области автомобильной промышленности.

— Какие перспективы у вашего предприятия?

Директор остановился, обвел широким жестом ряды цехов и сказал:

— Вот результат нашего сотрудничества — новый завод, выпускающий продукции на 404 миллиона злотых в год! Но заказы ВАЗа столь внушительны, что нам необходим уже второй такой же завод. И он будет построен в 1975 году рядом с этим. Тогда милости прошу в гости.

Мы пообещали, что непременно приедем.

Уже прощаясь, директор спросил:

— Куда теперь?

— В Берлин...

— А как вы собираетесь ехать?

Я советую такой маршрут: от города Бржег переходите на автобан и дальше прямо. Карта у вас есть? Вот смотрите — это Е-22, международная европейская магистраль.

«ИЛ-62» на взлете.

Юрий КРИВОНОСОВ

ПУТЬ К ГРАНИЦЕ

Ранние сумерки перешли в кромешную тьму. Автобан несся нам навстречу, великолепный в своей ширине, пустоте и безжизненности. Где-то далеко в стороне иногда мелькали одинокие огоньки. До границы оставались считанные километры...

Вот-вот, по нашим расчетам, должен был появиться КПП, но вместо него перед нами возник дорожный знак, известный всем автомобилистам, — тупик.

— Юра, как у тебя с бензином? — спокойно спросил Клячин.

— Уже минут десять, как горит красная лампа, — невозмутимо ответил Гирин.

Небо было затянуто плотными облаками. Визлилась полночь. Мы стояли в глубине леса в полной тишине. И тут, на наше счастье, появился велосипедист. Молодецкий парнишка из ближайшего села нас успокоил: всего в трех километрах отсюда находится село Ниваца, там есть бензоколонна, а в семнадцати километрах от села, в Локнице, — пограничный пункт для переезда в ГДР.

Стоило нам свернуть с магистральной дороги, как мы оказались в лабиринте ночного леса, из которого долго выбирались, пока не уперлись в шлагбаум железнодорожного переезда. Из будки вышел старик в теоретике и новенькой форменной фуражке.

— Куда паны едут?

Увы, «паны» теперь этого и сами толком не знали! Где-то в кро-

мешной тьме потерялись и Ниваца и Локница...

— То бардазо близко, швидко в покидану! — успокаивала нас польский железнодорожник.

— Все в порядке? Бензина нет у нас...

— То бардазо зле! — искренне огорчился за нас старик и добавил:

— Вот-вот должен пройти поезд. — Если б не то — я сам показываю вам дорогу!

— Спасибо, дед. До свиданья!

— Довидзенья...

И снова лес вокруг нас, немой и бесконечный. Может быть, придется где-нибудь здесь заночевать, и тут вдруг из-за деревьев мелькнул огонек, другой, третий. Ниваца!

Последние метры до бензоколонки. Дотянем ли? Дотянули! Но радоваться было рано. Все село давным-давно спало, и колонка оказалась закрытой.

Рядом с нами встала старенькая легковая «шкода». Из нее вышел высокий человек в кожаной куртке и милицмейской фуражке.

— Кто такие? Откуда? Что делаете в погранзоне ночью?

Мы объяснили и показали наши паспорта.

— Добже, хорошо! — сказал строгим голосом польский Анискин. — Поехали в Локницу, там есть за КПП, на немецкой стороне колонка. Хватит бензина?

— Вряд ли, но попробовать можно...

— Тогда поезжайте за мной!

Вот она перед нами, граница. По одну сторону ее стоят польские солдаты, по другую — их ровесники из Национальной народной армии ГДР. Социализм разрушил существовавшую прежде стену многовековой вражды между двумя государствами. Теперь это граница дружбы.

Было уже утро, когда пограничник шлепнул в наши паспорта печати и мы въехали в Германскую Демократическую Республику.

В ГОСУ СОЗДА ИЛ

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. В. ИЛЬЮШИНА, СОВЕТСКОГО АВИАКОНСТРУКТОРА.

«ИЛ»

Вквартире дважды Героя Социалистического Труда академика Сергея Владимировича Ильюшина стоят маленькие модели прославленных «Илов» — и боевых и пассажирских. Сергей Владимирович, показывая мне их, шутит:

— Самолет — наш семейный герб. В этом доме все причастны к авиации: жена моя, Настасья Васильевна, много лет проработала в конструкторском бюро; старший сын, Володя, — Герой Советского Союза, Заслуженный летчик-испытатель, средний, Сережа, — авиационный инженер, офицер, а младший, Саша, учится в Московском авиационном институте.

А. ГОЛИКОВ

Фото Г. МАКАРОВА.

ТЯХ ТЕЛЯ ОВ»

На стене, под моделями самолетов,— полуметровая фотопанорама: сжатое поле со скирдами хлеба, на пригорке избы, дальше большое озеро, а на горизонте зубчатая стена леса. Спрашиваю: что это за пейзаж?

— Наш, вологодский. Деревня Делялево,— отвечает Сергей Владимирович.— Здесь Ильишины жили испокон века, и я тут родился. Изумительные места, не встречал красивее...

— Раньше в отпуск мы только

Генеральный конструктор, дважды Герой Социалистического Труда С. В. Ильюшин.

Великая Отечественная война. Атакуют «Илы».

в Дилиялево и ездили,—вспоминает Настасья Васильевна,—редко удавалось его к морю, на курорт вытаскать.

—Море, пальмы, кипарисы, оно, конечно, тоже неплохо,—ублажается Сергей Владимирович,—но через недельку-другую уже берет тоска по березке, в родные края тянет. Озеро там у нас, Кубенское. В длину—километров полста, в ширину—местами с дескток. Островков много. Охота чудная! Построю было, на каком-нибудь из них шалашик да и поселился в нем с ружьем, удочками. После колесит в конструкторском бюро да московской суеты был это для меня наилучший отдых. А иногда с собой брал и портативный проигрыватель с пластинками Шаляпина. Очень любил его слушать. Детство вспоминаю... Было оно у меня нелегкое. Родители жили бедно. Работать пошел уже в девять лет, а в пятнадцать стал грузчиком. Помню, когда начинался артельщик осматривал меня, пощупал руки, плечи и сказал: «Ростом не вышел, но в кости крепко». В поисках заработка я много поездил по России.

—А как вы пришли в авиацию? —Заболел я ею, когда увидел в первый раз, как самолет летает. Было это в тысяча девятьдесят седьмом году. Работал я тогда в Петербурге, на красильной фабрике. Труд был тяжелый, грязный, платили мало. Случайно узнал, что набирают рабочих на Коломяжский аэродром. Говорили, будто его срочно передают в аэродром для празднования «авиационной недели» — аэропланы летать будут. Не раздумывая, взял

я на фабрике расчет и через день уже ровнял летное поле. Мне посчастливилось участвовать в разгрузке аэроплана, помогать их собирать. До чего же хрупки и неуклюжи были эти создания — просто не верилось, что они поднимутся в воздух.

И вот начался праздник. Полеты мне показались просто каким-то чудом. Особенно полет Николая Евграфовича Попова, одного из первых русских летчиков. Помнится, он тогда поднялся на шестьсот метров и установил рекорд высоты. Народ кричал «ура!». Два военных оркестра играли гимн. Летчика качали, носили на руках.

Вечером, придя в общежитие, я долго не мог заснуть: так захотелось стать летчиком.

Меня мо оступалась в первую мировую войну. Меня призвали в армию и отправили в команду Комендантского аэродрома в Петрограде. Там я работал мотористом, обслуживал самолеты «Вуазен» и «Лебедь-12». Потом представилась возможность учиться летать. Летом семнадцатого года я сдал экзамен на летчика, а после гражданской войны окончил Академию имени Жуковского и нашел свое настоящее призвание — стал авиаконструктором.

—Вы посвящали этой работе много лет. Что вам доставляло в ней самую большую радость?

—Давайте сначала поговорим об огорчениях и тревогах, которые при создании новой машины всегда возникают немало. Это и различные неуязвимости в собственном КБ, и не всегда приятные объяснения с вышестоящим на-

чалством, и волнения, связанные с ожиданием первого взлета. Но и потом, когда машина уже вышла на линию, каждая связанная с ней неприятность больно отзывалась в сердце конструктора.

Теперь о радостях. Сам процесс творчества, исканий, порой очень мучительных, приносит в конечном счете огромное удовлетворение. Лично мне самую большую радость доставил самолет «ИЛ-2». Летчики-фронтовики на конференции по обмену боевым опытом горячо благодарили создателей штурмовика, очень хвалили самолет, а один даже утверждал, что «ИЛ-2» и на одном крыле добирался до своего аэродрома... Это, конечно, была шутка. Но доля истины в ней была: «ИЛ-2» оказался на редкость живучей машиной. Ну, а если говорить о пассажирских самолетах, то больше всего меня порадовали восторженные отзывы пассажиров о лайнере «ИЛ-62».

Опытное конструкторское бюро С. В. Ильюшина отмечает свое столетие. Сейчас прославленным КБ руководит Генеральный конструктор, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Генрих Васильевич Новожилов.

—Я пришел сюда прямо с институтской скамьи, почти четверть века назад,—рассказывает Генрих Васильевич.—Многие годы работал под непосредственным руководством Сергея Владимировича Ильюшина, да и потом в сложных случаях часто обращался к нему за советом и консультацией.

Наш коллектив, воспитанный Сергеем Владимировичем, работает по традициям созданий им конструкторской школы. В 1973 году на базе серийного самолета «ИЛ-62» мы выпустили самолет «ИЛ-62М», который значительно превосходит своего предшественника по дальности, скорости, экономичности и комфорту.

Успешно проходит государственные испытания и уже запущен в серийное производство самолет «ИЛ-76». Это первая транспортная машина, созданная нашим конструкторским бюро. С грузом в тридцать пять тонн она может летать со скоростью восемьсот — восемьсот пятьдесят километров в час на расстоянии четыре-пять тысяч километров.

Ну и в заключение несколько слов о новом широкофюзеляжном самолете-аэробусе «ИЛ-86». Это уже представитель третьего поколения реактивных пассажирских лайнеров. В его салонах с комфортом разместятся триста пятьдесят и более пассажиров. Они будут подниматься на борт лайнера вместе со своим багажом. Это избавит пассажиров от длительных и утомительных операций по оформлению и получению багажа, повысит репутацию скорости воздушного путешествия.

Сейчас наш «ИЛ-86» находится в стадии разработки. Он будет одним из самых больших в мире пассажирских самолетов.

В 1974 — 1975 годах братские социалистические страны будут широко отмечать тридцатилетие освобождения от фашистского ига. В зарубежной почте «Огонька» немало писем, авторы которых вспоминают события тех памятных лет, говорят о сегодняшней дружбе наших народов.

Словакия помнит

В августе этого года исполняется 30 лет со дня начала Словацкого национального восстания. Известно, что в партизанских отрядах бои с бои со словаками сражались граждане Советской страны. Мне хочется восстановить странную историю советско-чехословацкого братства по оружию.

Мы, члены бывшей тогда в подполье Коммунистической

Сто шестнадцатая весна Селаха Бутбы

В Абхазии, в селе Атар, Очамчирского района, живет колхозник Селах Шабонович Бутба. Уже девятност лет Селах Шабонович пасет скот на горных пастбищах. Его отец Шабо умер 122 лет от роду, а старший брат Селаха, Едге, прожил сто лет.

У самого Селаха семеро детей. Когда ему было семидесять лет, родились два мальчика — близнецы Коста и Валико. Теперь в его семье уже шестидесять человек. Моне Селаха, Маруше, 89 лет. Оба они и сегодня помогают колхозу выращивать табак и кукурузу. Частенько Селаха Бутбу можно увидеть в огороде, на пасеке или в саду за обрезкой виноградной лозы. Он не только садовник,

«Металлист»

Прочитали мы в «Огоньке» № 46 за 1973 год заметку «Для стана 3600» и решили высказать свое горе.

Мы целиком зависим от поставщиков. Наш завод «Металлист» выпускает стальную оцинкованную посуду, пользующуюся повышенным спросом у покупателей. Колхозники у нас хороший, непрерывно растет производительность труда, заводские рационализаторы очень много сделали по механизации трудовых процессов. Назалось бы, только работать и

ЧИТАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

партии Слованин, организовали отряд в селе Неслуша округа Чаада. Командовал им надporučник чехословацкой армии Николай Чочуев, родом с Кавказа, из Кисловодска или Еревана, не помню точно. Его помощниками были мои сотоварищи Филипп Малин и комиссар Николай из Ростова. Отряд назвали «Свобода», действовал он в районе Неслуша — Занопце — Туровна — Маноу — Штянени.

В моем отделении было 17 советских граждан. Вот их имена: Перфилов Егор из Сталинградской области (родился 19. 1. 1923), Таренчиев Евгений из Калининской области (2. 10. 1926), Суботин Иван из Тамбовской области (9. 6. 1909), Трисутсов Иван из Киева (28. 6. 1921), Ядрешинцов из Свердловской области (17. 5. 1908), Журов Иоаким из Калининской области (24. 4. 1918), Осачин Иван (родился 19. 1. 1925), Дишанов Владислав из Орловской области (15. 4. 1922), Орлов Николай из Сталинградской области (26. 10. 1926), Мартынов Иван из Киева (28. 6. 1921), Власенков...

Список этот неполный. Многие пали в бою.

Я обратился к бывшему командиру партизанского отряда «Свобода» Николаю Чочуеву, комиссару Николаю и ко всем своим соратникам с просьбой прислать мне свои воспоминания о тех незабываемых днях.

Франтишек НЕМЧАК

г. Жилина, ЧССР.

Это было в сорок третьем

Дорогой «Огонек», помогите мне найти двух неизвестных бойцов Советской Армии! Было это в деревне Рудаки, Белостокского воеводства, в 1943 году. Во двор моего дома зашли двое незнакомых мужчин и спросили Яна Пивко, то есть меня. Они рассказали, что идут из Юзефова от товарища Грыни и им нужно попасть в Волковыск — там находится связные. Я их накормил, дал отдохнуть. Оставаться им здесь было опасно рядом с деревней стоял немецкий патруль. Мы вместе с братом и его товарищем спрятались в сарае на краю деревни и, убедившись, что на дороге никого нет, провели их под носом у патруля.

На следующий день меня вызвал староста: ему донесли про двух подозрительных незнакомцев. Я ответил старосте, что советских солдат готов отдать последнюю кровь. Не сколько часов спустя меня задрали в гестапо. Там жестоко избили. Но фашисты ничего не узнали.

Сейчас мне 67 лет. Я часто вспоминаю тот случай и рас-

сказываю молодым. Очень хочу найти этих людей, ставших мне такими близкими.

Ян ПИВКО

деревня Рудаки, ПНР

Отзовитесь, друзья!

У меня много друзей в Советском Союзе, с которыми я долгое время переписывалась. Я благодарна своим советским сверстникам за то, что всегда находила у них поддержку в трудные минуты. Эта дружба определила мой жизненный путь. Чувства братской дружбы и вашей стране и горячего уважения к советским людям я стараюсь воспитать и в своих детях.

После того как я вышла замуж, а потом переехала с семьей сюда, в Галле-Нейштадт, наша переписка оборвалась. Вот уже восемь лет я ничего не знаю о своих друзьях. Как идут у вас дела, Вера Федорова из Тюмени, Тая Жилинина, Тая Рожнова, Гена Завельна, Юра Беляев и Толя Сапайков из Москвы, Лена Короткова из Ирснодара, Золя Крапинкина из Свердловска, Шура Иванова из Ленинграда, Света Котова из Тары, Валдис Аусман из Риги, Ваня Джигалидзе из Тбилиси, Володя Панарин из Одессы, Коля и Маруся Тарасов из Киева?

Наверно, и у вас уже свои семьи, увлекательная работа. Вы знали меня по моей прежней фамилии и старому адресу: Хельга Бауманн, Лютцен, Штаркделерштрассе, 2а. Теперь моя фамилия Барс, а новый адрес: 409 Галле-Нейштадт, блок 6538.

Прошу вас, откликнитесь, мои друзья, мне очень нужна ваша дружба!

Хельга БАРС, ГДР

но и хороший охотник. Как-то я был в гостях у него. Дома его не оказалось: ушел на охоту. Уже вечерело, когда он вошел в дом с двумя лисьими шкурами. Подозоровало со мной, бросил в угол шкуру с усмешкой сказал: «Сегодняшний день мне не забыть никогда. Видел

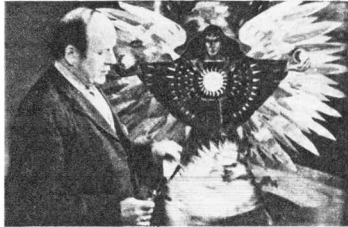
Селах Бутба в саду.

я белую ворону, совершенно белую. В жизни такое можно увидеть только один раз в сто лет. Помню еще один случай. Был я тогда молодым, тридцатилетним парнем, неженатым. Был жаркий июльский день. В такие дни туры поднимаются на самые высокие места. Поднялся я до леников через отвесные скалы. Остановился. Со скалы поспыпались мелкие нашествия. Я насторожился, понял, что тур должен быть где-то поблизости. Сидел я долго, следила за каждым предметом... И вдруг мне привиделось, как что-то белое, с большими рогами идет по леднику. Я с удивлением смотрел на животное. Принимать было его за большую козу. Но у козы не могло быть таких огромных рогов. Тур! Да, это был белый тур! Остановился и смотрел прямо на меня.

Вот, сынок, я своими глазами видел белого тура, которого еще никто не видал. И ты сможешь встретиться с таким животным, ведь абхазцы — долголетный народ! — сказал мой собеседник.

Ш. КАМНИА, заслуженный работник культуры Грузинской ССР

А. Осмоловский у своего панно.

В дар польскому народу

Народный мастер прикладного искусства римканин Адриан Осмоловский внес свой вклад в дружбу польского и советского народов. В дар Польше он выполнил большое панно, изображающее великого польского астронома Николая Коперника.

М. ГРИГОРЬЕВ, преподаватель Римского училища

...без металла

работает! Однако по вине Ждановского металлургического завода имени Ильича мы находимся в очень тяжелом положении. Этот завод систематически срывает нам поставку холоднокатаной стали. (За два месяца 1974 года недогружено 63 тонны.) Из-за этого сорван план первого квартала по выпуску посуды.

Мы неоднократно обращались в Министерство черной металлургии СССР, однако заместитель министра тов. Жигуля А. В. только отписывался.

Просим редакцию помочь нашему коллективу найти выход из этого трудного положения.

Бригадир комсомольско-молодежной бригады штамповщиков И. МАТАШЕВСКИЙ.

Бригадир бригады коммунистического труда сборщиков Завод «Металлист», Житомир.

ОТ РЕДАКЦИИ. Публикуя письмо бригадиров завода «Металлист», редакция обращает внимание руководителей Министерства черной металлургии СССР на необходимость разбираться в данном вопросе и принять меры, обеспечивающие этому предпринятое выполнение плана изготовления товаров широкого потребления.

Семейная профессия — музыка

Шестеро детей совхозного пчеловода Петра Ивановича Ганаса из села Семерновна получили музыкальное образование и работают преподавателями музыки, только сын Иван работает техником в Донбассе.

Дочь Зинаида преподаватель по классу домбры в Золочеве, Львовской области, сын Михаил — директор музыкальной школы в Белгороде-Днестровском, Одесской области. Ольга преподает музыку в Самборе, а Лесья — в Дрогобыче, Львовской области. Сестры-близнецы Христина и Маруся тоже преподают музыку: первая — в Старом Самборе, вторая — в. ПОПОВИЧ с. Дунаев, Перемишлянского района, Львовской области.

Дмитрий КОВАЛЕВ

ШОЛОХОВ

И стать и солнце в нем —
Свои, станичные.
Заветроено лицо,
Усы пшеничные.
Высокий лоб открыт,
А меж бровями —
Морщинка
Все заметней и упрямей.
И все светлей глаза,
Как бы от зноя
В них небушко повыцвело
Степное.
И словно бы дымок
С горчинкой отчий,
И вспышки в нем,
Что костерок в урочье.
Огонь страстей и дум
В людском обличье.
И революция
В ее величье.
И солнце черное,
На нем — не пятна...
Душа земли
Всем на земле понятна...
И вроде бы в себя ушел
И чутко.
Смягчает боль
Усмешливостью шуток:
— Ну, ну, сынок!
И так в тебя заглянет,
И — на плечо ладонь
И прощанье станет.
И как ни скован,
Как настрой ни горек —
Вдруг рассмешишь
Безудержно, до колик...
Вынашивать бы нам,
Забыв себя и сроки,
Знать наизусть,
Как он свои, что зреют,
Строки.
Как вместе рос
И в годы фронтовые
Был с ним,
И каждый раз с ним —
Как впервые...
Не замечает сам
Своей особы.
До странности обычный
И особый.
Мне только б чувствовать,
Что он живет на свете.
Насущная нужда
В его совете.
Живу мечтой

Побить в его станице:
Всем поделиться,
Что в душе теснится...

Ожоги на лице скрыл бороною
Горевший в танке.
Гик, а был — гроза.
Пусть старит борода,
Зато бедою
военною
Не бросится в глаза.
Под кепкой шрам,
И шрамы под рубашкой.
Бывает, беспокоят...
Но изволь
Терпеть...
И над чужой бедой
Не ахай,
Хоть в памяти болей
Чужая боль...
Дает почувствовать себя
Железка
Под черепом —
Осколок мины той...
И он в минуту эту
Судит резко,
Как чьей-то
Раздражен неправотой.
И тут уже — ни брата
И ни свата,
На целый мир,
Покажется,
Сердит...
Но тут же,
Извинившись виновато,
На всех уже
Усмешливо глядит.
В пыли кирпичной кепка
И в известке,
А волосы —
Как выцветший омет.
Почувствуете,
Как ладони жестки,
Когда он руку
Дружески пожмет.

СУВОРОВ

В одном из старых
Питерских соборов,
Где строк на плитках
Золотая суть —
Три строгих слова:
«Здесь лежит Суворов».
Тех — не запомнить,
Этих — не забыть.
У тех — отличий тьма,
Чины, вельможи,
Но отличия их...
Вечный им покой.
Они во все века,
Такие, схожи.
А он — на все века
Один такой.
С причудами на старости,
Как в детстве.
Одною страстью одержим —
Хоть в ад:
Не посрамить отечество
Ни в действе,
Ни в дерзости,
Ни в сметке.

Он — солдат.
И в благоденствии —
Он отдален, в опале,
Как нет его,
Забит и нелюдим.
Но если
На отечество напали —
Без многих лучше,
Он — необходим.
И хоть штыком,
Хоть хитростью —
Хоть с чертом...
Когда ж делить победы
Меж собой,—
Оказывался он
Уже оттертым...
Но он и не затем
Вел войско в бой.
И встань любой
Его солдат убитый —
Он подтвердил бы
На миру честном,
Что не затем
Он забывал обиды
И побеждал
Уменьем, не числом.

Тоне.

Как много о невестах
Нежных строк.
Как мало о замужних
Вспомнить мог.
О женщинах они —
Со страстью пылкой.
О женах —
С иронической ухмылкой...
Я о тебе мечтою жил в войну.
Перед тобою чувствую вину
За каждую морщинку,
Что со мною
Ты нажила за годы,
Став женою.
Ты —
Мать любимых сыновей двоих.
Что ближе мне еще
Тревог твоих?..
Иду по утренним равнинным нивам,
Как и до встречи,
Бережно ревию у дверей.
Невольно замираю у дверей.
Не избалован ласкою твоей —
И потому она всегда желанней
И в поздний час
И в час рассветно-ранний.
Единомышленница первая моя,
Мой целый мир
И лишь моя семья,
Советчица
По трудным всем вопросам...
По терниям с тобою —
Как по розам.

Ученость наша
Прежней не чета.
Все шире
Образованность в народе.
И все наивней
Кажется мечта.
И хлеб уже —

И Е Д У Ш И

Как не насыщенный вроде.
От крайностей
Все меньше бед.
Достатки превращает кое-кто
В избытки.
И многим ли
Напомнил партбилет,
Что дедам он сулил
Сибирь и пытки.
А этой памятью сильны дела,
Сильно грядущее с былым слиянием.
Не закусила б слава удила.
И не затмила б
Собственным сиянием...
Тревожно беспокойному уму.
Благополучно ли на свете?
И все ли ладно
У себя в дому?...
Ответственные,
Все ли вы в ответе?...
Как нервы обнаженные в ночи,
Когда никак уснуть не удается,
Трепещут, бьются, рвутся кумачи —
И стук их в самом сердце отдается.

Всего мне драгоценней,
Что работа,
Что капли крови
И что капли пота —
Родные и таланты
И уму —
У нас конечная цена всему,
Что труда в почете,
Как в бою отвага,
Как подвиг, славен —
Ни трудился где б.
Почет и честь
Всем создающим блага —
Одежду, обувь
И насыщенный хлеб!
Да славятся твой подвиг,
Твердость шага,
Достаток твой,
Семейный твой уют!
И пусть тобою созданные блага
Преобразуют жизнь
И мир куют!..

В позднем возрасте любитесь чутче, больной.
Потерять, кого любишь, намного страшней.
Одиночества холод — куда холодней.
Нежность близости — бережней и нежней.
И потребность заботиться, близость тепла —
Только в ней бы душевность ответной была.
От себя одного не уйдешь никуда...
Человеку души прибавляют года.

Над речкой пасмурной,
Под синей хмарью
Так ярко зелен
Бугорок лужка.
Кустарник высветил
Иван-да-Марью.
Крадется пес к гусям
Исподтишка.

Расплывчатая,
В тусклости чумазой,

Над стойлом будка,
Месивом навоз...
Прицеп высокий
С кукурузной массой.
Бидоны. Стадо.
И — большак в совхоз.

И так на этом фоне
Сажет и ярост
Цветастых ситцев
Новый свой резон,
Свет юности и смех
В глазах доярок,
Звезд цинковых
И струй молочных звон.

В Москве бывает тишина
Такая, что слышнее шума.
До звона, поздняя, слышна.
Сосредоточенна, как дума.

И кораблем высоким дом
Идет себе куда-то в небо
Над хлопотами, над трудом,
Над спешкой, что уже нелепа.

Нелепа ли?...
Как не спеша,
Наперекор своим стараньям,
И в позднем возрасте душа
Живет лишь будущим,
Как в раннем.

И только в спешке, только в ней
Я забываю все печали,
И что дорожке, чем давней...
И что все лучшее — вначале...

Подсиненные мгlistою росой,
Сквозь красные ресницы
Смотрят яблоки.
И раненные раннюю красую,—
Как трепет,
Скромные певцы их — заблужки.

На кровлях мокрые синеют сурики.
И радужна лягушачья икра еще.
И чем темнее в речке сада сумраки,
Тем ярче светлячки плотвы играющей.

Носатая поскрипывает утица,
И селезень не сводит глаз
С забочины:
Семей своей писклявой озобочены.
И, омуток сверля, воронка крутится...

Ты после стольких травм,
Как невредимая,
Земля моя —
Прозрения пророчица...
Чем больше я люблю тебя, родимая,—
Тем больше уходить в тебя не хочется.

Напрасно человека не обидь,
Нечаянно и не желая злого.
И словом можно нехотя убить.
Побереги на негодуя слово.
Он вида не подаст.
Знай наперед,
Что словом не убить его особу.

Нет, негодяй от слова не умрет —
Он только затанит навеки злобу.

Всю ночь,
Как в небе падает звезда —
И отблеск в речке
Ближе к берегу —
Глаз мотоцикла,
Искры, по лужку
В потемках носится
Туда-сюда.

Отстала тройка вороних коней,
Сердцебиенье с бубенцами в лад...
Самой звенящей тишины слышней,
Два сердца, слившись,
В темени летят.

Влюбленные на новых скоростях —
И новый свет от них в моей душе.
И сам я замер,
Как на вираже.
Густенный ветер времени в страстях.

Родная неизвестная чета
Вот-вот сорвется к звездам,
В высоту.
Пусть памятью становится мечта,
Но я своей любовью
В них расту.

Ночью осеннюю
По бездорожью...
Месяц проглянет,
Как зарево в дыме —

И по листве
Пробежит это дрожью,
И деревца
Сразу станут седыми.

Знобкость пронизает
Не только деревья,—
Холодно станет
И мне поневоле:

Перед войной
Здесь светилась деревня...
Голое,
Пепельно-серое поле.

Зеленовато-желтый свет осенний,
Мой поздний возраст осенен твоей
Чуть шелестящей тихостью ветвей,
Покоем после стольких потрясений.

Тихайший шорох в чаще ловят уши,
Где оглушали думу соловьи.
Все ближе чувствую людские души,
В их размышленьях узнаю души.

Уравновешенной натура стала,
И мягче резкость,
Строже прямота.
О будущем стараюсь думать мало:
Не молодость там, не ее мечта...

И только беспокойнее скрываю
Боль тайн былых от близких-дорогих.
Чем меньше за себя переживаю,
Тем больше беспокоюсь за других.

СОКРОВИЩА ГРОБНИЦЫ ТУТАНХАМОНА

Древний Египет... Немая вечность. Одна из самых таинственных и увлекательных глав в великой летописи истории человечества. Тысячелетиями отмерен путь развития этой страны, внесшей свой неоценимый вклад в сокровищницу культуры, науки, искусства нашей земли. Бесконечно талантливы египетский народ, оставивший нам в наследство сказочный мир гигантских пирамид и тончайших миниатюр, колоссальных сфинксов и крошечных скарабеев, циклопических монументов и ювелирных шедевров... Руины статранных Фив. Храмы Луксора и Карнака. Пирамиды в Гизе. Обелиски. Солнечная пластика Амарны... Нефертити... Сокровища гробницы Тутанхамона... Бесцельны гениальные творения зодчих, скульпторов, живописцев.

Пожалуй, ни одно искусство в мире не обладает таким магическим свойством вызывать столь пленительный поток ассоциаций, ощущений, эмоций, как творчество мастеров Древнего Египта. Иногда это все кажется колдовством, так непоборима сила очарования, так велико волнение, которые чувствуешь, глядя на, казалось бы, внешне простые, спокойные, никак не поражающие зрителя эффе́кты, такие на первый взгляд статичные, а порою будто сошедшие с творения искусства, созданные десятки веков тому назад. И только после попытки более близко познакомиться с этими произведениями, после старания понять, раскрыть тайну магизма, заключенного в этих шедеврах, начинаешь догадываться, что секрет этого поразительного воздействия на наше воображение заключается именно в этой предельной собранности, в кажущейся скважности, в крайней скудости средств выражения, в поразительной обобщенности образов,— словом, в огромном напряжении синтеза, вложенного порою в самую маленькую статуэтку. В колоссальном включении в каждое творение опыта десятков, десятков поколений мастеров. Так рождаются образы-символы, обладающие гигантским зарядом эмоционального воздействия, так неотразимо впечатляющие наш разум и чувство умудренного и уставшего от зрелищ человека двадцатого века. И как ни странно, этот спокойный, выверенный ритм и именно эта строгая гармония, покой, сосредоточенность, которые царят в скульптуре, живописи, архитектуре Древнего Египта, да, именно эта статичность так потрясает наше крайне истерзанное динамикой, шумом, ярким, кричащим цветом, экспрессией, диссонансами воображение... Искусство египтян требует к себе напряженного внимания зрителя и, конечно, некоторого пристрастия к истории, к древности. Тогда это необыкновенное мастерство, все сотканное из канонов, традиций, символов и тайн, станет доступным и понятным. Есть еще одно качество, одна особенность творчества древнеегипетских художников и ваятелей, оно необычайно наполнено. Неземным зарядом непрелюдной веры в чудесное, заключенный в каждое изображение, и эта причастность скульптора или живописца к миру, и эта его фанатическая преданность, с которой он выражает пластически убедительно порою самые невероятные суеверия или самые фантастические легенды,— вот эта его простодушная правдивость неотразимо убеждает зрителя, заставляя нас относиться ко всем этим некогда грозным богам, к этим далеким сказаниям, воплощенным в камне, дереве, металле, хотя бы с должным пиететом... Нам, жителям семидесятых годов двадцатого века, кажутся по меньшей мере нелепыми, а иногда нелепыми многие верования древних египтян, все их религиозные построения — существование загробного мира, перевоплощение и странствование души человека и многое, многое другое. И однако культовые изображения древних египтян наполнены такою жизненностью, исполнены с такою пластической достоверностью и высочайшим мастерством, а главное, с таким чистосердечием, что невольно забываешь о той дьявольской машине лжи и насилия, которая служила угнетению человека человеком и которой, по существу, помогали все эти изысканные, чеканные и такие совершенные по форме произведения... Ведь не секрет, что древнее египетское государство было одним из самых жестоких деспотий в мировой истории и ошеломляющие нас сегодня гигантские памятники зодчества, воздвигнутые фараонами и прославляющие их власть, построены буквально на костях сотен тысяч рабов, людей из народа... И это забыть нельзя... Но тайна древнеегипетского искусства заключается в том, что воссоздание самодержавия так было

пластически спрограммировано, что даже самые кровавые сражения, самые жестокие каторжные работы превращались под кистью и резцом древних мастеров в своеобразно срежиссированные пантомимы с геометрически выверенным расположением фигур властителей, вельмож, жрецов, народа... Это была весьма тонкая пропаганда, канонизированная и отработанная веками.

Искусство Древнего Египта, естественно, было неоднозначно, ибо процесс его развития исчислялся не десятилетиями, не веками, а тысячелетиями. Нам сегодня, пожалуй, ближе всего искусство так называемого «амарнского» периода Нового царства, обладавшее изумительной пластикой, удивительно человеческое и гармоничное. Влияние «Амарны» носит на себе великолепное собрание сокровищ гробницы Тутанхамона из Каирского музея, с которыми мы имели счастье познакомиться в замечательной экспозиции Музея изобразительных искусств в Москве. Выставка пользуется исключительной популярностью у нашего зрителя, который изо дня в день, месяцами, в любую непогоду смиренно проставляет часами в очереди у этого храма искусства, дабы приобщиться к творчеству мастеров Древнего Египта, встретиться с Прекрасным.

Строго. Пристально. Немного грустно смотрит на нас юный фараон. Испытующий бездонные зрачки его глаз.

— С чем ты пришел? Зачем нарушил покой усыпальницы? — словно вопрошает взгляд Тутанхамона.

«Золотая маска Тутанхамона» из Каирского музея, порядковый номер двести двадцать. Высота — пятьсот сорок миллиметров. Золото, лазурит, сердолик, полевой шпат, разноцветная смальта.

Необыкновенно, трепетно. Дьявольски жизненна эта маска, сделанная из драгоценного металла. Забываешь, что это золото. Настолько гениально просто передано тепло образа молодого человека, его лица, одухотворенного, тонкого, полного скрытой жизни. Форма изображения абсолютно реальна, но в том-то секрет очарования египетского искусства, что эта маска, исполненная неизвестным мастером древности, окутана какой-то неуловимой тайной. Наш разум, до конца изувещившийся в каком бы то ни было волшебстве, невольно отрицает всякую магию... Но вопреки желанию нечто сильнее нашего сознания черует душу, когда вы глядите на этого юного, юного человека возрастом в тридцать три с лишним века. Он поражает нас своей непосредственностью, свежестю своих чувств... Только гениальный ваятель, постигший не только все законы лепки формы, но и нечто более глубокое, мог создать этот шедевр. Но для этого он раскрыл перед нами всю мощь своего ума и всю бездну своего дарования. Надо было быть тонким психологом и философом, чтобы постичь сложность состояния, характера этого молодого царя с судьбой короткой и трагической. Ведь он правил меньше десяти лет. Облеченный неограниченной властью полубога, хозяин жизни и смерти любого своего подданного, он был игрушкой в руках чертовски многоопытных, коварных политиков, жре-

НА 1-Й СТР. ВКЛАДКИ: Золотая маска Тутанхамона.

НА 2-Й СТР.: Золотая фигурка фараона Аменхотепа III.

НА 3-Й СТР. Вверху: статуэтка бога Птаха; алебастровая ваза; ушебти — магическая фигурка. Внизу: Тутанхамон на пантере; статуя, изображающая Ка [двойника] царя Тутанхамона; алебастровая ваза в форме стоящего льва.

Фото Дм. БАЛТЕРМАНЦА.

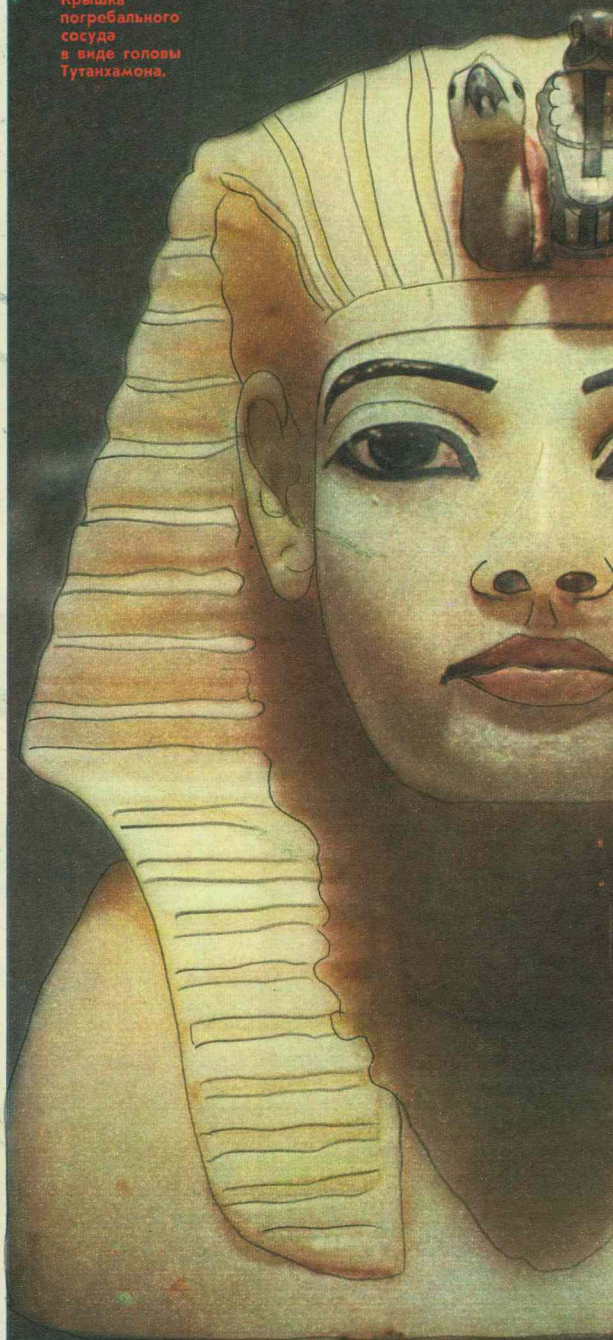

Тутанхамон
на ладье.

Крышка
погребального
сосуда
в виде головы
Тутанхамона.

Статуэтка
Тутанхамона.

На выставке «Сокровища гробницы Тутанхамона» в Москве.

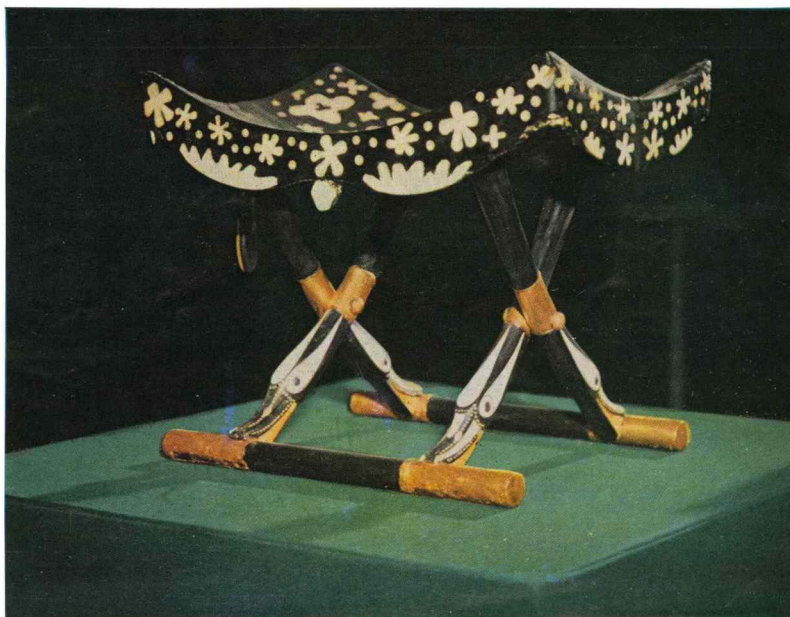
Наос

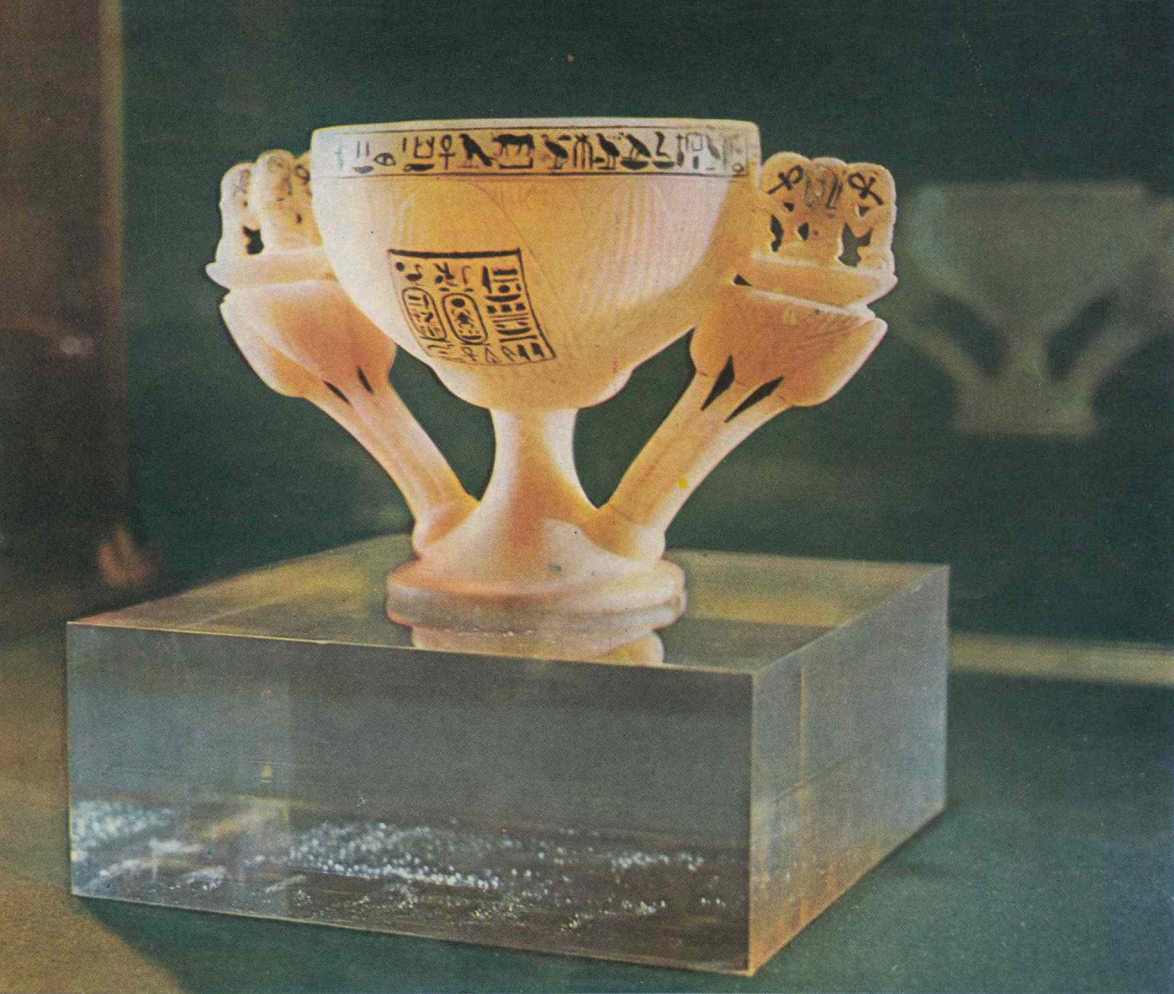

Золотые серьги; золотой кинжал.

Золотой воротник, изображающий богиню Мехебт; золотая подвеска с тремя скарабеями; складной стул Тутанхамона. ▶

И вот мы сейчас можем, через полвека с лишним после открытия Картером сокровищ гробницы Тутанхамона, любоваться ими в Москве... Пятьдесят экспонатов из коллекции Каирского музея перед нами.

В одной из стеклянных витрин выставлена маленькая золотая фигурка сидящего человека высотой всего в пять сантиметров. Это фараон Аменхотеп III... Вернее, брелок на цепочке, изображающий царя. Маленький, как воробушек, сидит этот грозный правитель судьбы Египта, облаченный в парадный шлем. Его правая рука твердо сжимает атрибуты царской власти — посох и плетень. Все, как положено по канону... Вглядитесь пристально в лицо владыки, и вас поразит его сходство с Тутанхамоном. Тот же разрез глаз, пухлые губы, окруженный подбородок. Возможно, что юный фараон был внуком Аменхотепа III и его жены царицы Ти. Кстати, в том же саркофаге в одном из маленьких гробиков была обнаружена тщательно завернутая в ткань, заплетенная прядь каштановых волос Тии... Аменхотеп III был одним из самых могущественных владык Древнего Египта. Это он воздвигнул до предела свое государство. Это по его повелению были возведены грандиозные храмы и дворцы. Вглядитесь, вглядитесь в сторбную фигуру золотого карлика и вспомните на мгновение циклопические статуи, известные под названием «Колоссы Мемнона», эти фигуры высотой в двадцать один метр каждая, изображающие могучего фараона Аменхотепа III. Статуи сложены из огромных глыб камня и кажутся занесенными к нам с другой планеты сказочными титанами. Есть еще одна возможность припомнить время Аменхотепа III. Приезжайте на Неву в Ленинград, на набережную к Академии художеств. Там на гранитных берегах реки стоят два сфинкса — замечательные памятники той эпохи... Они украшали аллею сфинксов у погребального храма фараона Аменхотепа III.

Золотые статуэтки, подобные фигурке Аменхотепа III, — сейчас редкость. Да это и не мудрено. Ведь большинство могил фараонов было разграблено и прежде всего, конечно, были похищены золотые изделия — скульптуры, ювелирные украшения, предметы обихода. Постройка гробниц облекалась глубочайшей тайной, казалось, никто не мог нарушить покой царственных мертвецов... Насколько секретны были эти работы, рассказывает главный архитектор фараона Тутмоса первого Имени: «Я один управлял работами, когда в скале высекали гробницу для его величества, так что никто ничего не видел и ничего не слышал... Хорошо, а кто строит? Где были рабочие? Они были попросту уничтожены по окончании сооружения усыпальницы царя... Жестокости! Да, как, впрочем, и многое другое в этой благословенной стране... Но грабители, как правило, оказывались более хитрыми и опытными, чем все вельможи и чиновники фараона... Виде строки из признания одного из немногих пойманных похитителей сокровищ. Естественно, что обнаруженность пришла к этому несчастному не без пыток:

«Мы проникли во все помещения и увидели, что царица покоится... Мы открыли их гробы, мы сняли покровы, в которых они покоились. Мы нашли божественную мумию этого царя... На шею его было великое множество амулетов и украшений из золота. Голова его была покрыта золотой маской. Священная мумия была вся украшена золотом. Покровы ее были изысканно золотыми, изумрудами и сапфирами, украшенными всевозможными драгоценными камнями. Мы сорвали золото, которое нашли на священной мумии этого бога, все его амулеты и украшения, висевшие у него на шее, а также покровы, в которых они покоились. Мы нашли и жену фараона. И мы сорвали с нее также все. Мы сожгли их покровы. Мы унесли их утварь, которую нашли при них. Там были сосуды из золота, серебра и бронзы. Все золото, найденное на мумиях этих двух богов, их амулеты, украшения и покровы мы поделили на восемь равных частей».

Эти скупые строки показывают, что похитители действовали жестоко, ими двигало не только желание обогатиться. Они являлись за свою нищету царям. Иначе зачем, например, было жечь покровы? Возможно, что были в конце общинные ремесленники или земледельцы. Все несколько слов из древних текстов, рисующих тяжелую судьбу трудового народа: «Я не видел кузнеца посланником и ювелира посланником, но видел кузнеца за работой у печи. Его пальцы были подобны крокодиловой коже, он издавал запах хуа, чем гнилая икра. Каждый ремесленник, работающий резцом, утомляется больше земледельца. Его поле — дерево, его орудие — металл. А ночью разве он свободен? Он работает больше, чем могут сделать его руки, поэтому ночью он зажигает огонь... У земледельца вечное платье. Его здоровье, как человека, лежащего под львом... Едва он вернулся домой, как ему опять надо уходить... Ткань в мех-ерской коже бедных женщин. Его ноги на животе, он не выдержит. Едва он не падает на землю и скаркает, ищет, чтобы есть, как лотос в болоте. Он дает хлеб старикам, чтобы они увидели свет...». И еще один текст: «Половину урожая расхищают птицы, гиппопотамы пожирают другую половину, в поле падают мыши, налетает саранча. А тут к берегу пристаёт сборщик податей, оглядывая поле, его помощники держат в руках палки, а негры — розги. Говорят: дай зерно. Если нет, будет земледельца... вьжут его и бросают в канал... вьжут жене и детей».

Мне хотелось привести эти цитаты, чтобы дать возможность почувствовать, какие жестокие противоречия, какая нещадная эксплуатация царили в осязаемых богатствах государства, в богатствах и богатствах правителей. Что стоило за всем этим великолепием храмов, дворцов, за подавляющей грандиозностью пирамид и колоссов... Но пора вернуться на выставку... Итак, мы познакомились с великим фараоном Аменхотепом III, прославившим Египет, и с его супругой Тии. Надо заметить, что Тии была царица не совсем обычная. Она вошла в сонм правителей далеко не из царского дома и даже не из вельможного рода. Взгляните на ее портрет из Берлинского музея... Царица изображена на этой скульптуре в ту пору, когда Аменхотеп III почил уже в бозе. На троне Египта восседал их сын Аменхотеп IV, который позже прославился как «фараон-еретик». Итак, на портрете Тии уже в годах. Мудрая. Она много видела и пережила. Взор пронзительный, ироничный, оценивающий все. Будучи человеком, стоявшим по происхождению ближе к народу, она особо ярко видела и ощущала все не-

совершенство и ничтожество вельможной знати, жречества, двора фараона. Возможно, что ее влияние на молодого монарха, а главное, объективные обстоятельства: немощное усиление власти финансовых жрецов Амона — заставили Аменхотепа IV стать на путь реформ, потрясших основы Египетского государства... И молодой фараон свершает неслыханное. Он объявляет нового единого бога — Атона. И вводит его культ — видимого солнечного диска, тем самым свергает истарых богов Амона — Ра и других. Собой же вопреки всем священным традициям он переименовывает из Аменхотепа, что означало «Амон доволен», в Эхнатона, что значило «Угодный Атону»... Но этого было мало, и Эхнатон решает еще на один акт. Он покидает древнюю столицу восточные Фивы и в невероятно короткий срок воздвигает город, который и объявляет новой столицей, присвоив ей гордое имя Ахетатон — «Горизонт Атона». Но и этот шаг показался недостаточным неистовому реформатору, и он приказывает повсеместно закрыть храмы старых богов, а их изображения и начертания их имен вовсе уничтожить... И египтяне, верноподанные слуги фараона, с великим тщанием скоблили и скребли повсеместно имена Амона, Ра и других неугодных богов. Но, как ни странно, эти катаклизмы, эта эпоха богоборчества и реформ оставили человечеству прекрасные памятники искусства... И именно в эти годы египетская скульптура и живопись достигли вершин совершенства. И символом этого злата, этой магии творчества становится образ молодой царицы, жены Эхнатона.

Нефертити... «Прекрасная пришла»... Так звучит это имя. Ее скульптурный образ, созданный придворным скульптором Тутмосом и найденный в нашем веке во время раскопок в маленьком селении Эль Амарне под слоем песка, является одной из вершин мирового искусства... Нефертити... Вся планность линий волн Нилы, все угругость черт, все благородное спокойствие, простота, чистота форм, сфинксов в твоей вечной красоте. Юной и чарующей... Колдовская жизнь розоватого песчанника длится уже тридцать три в лишнем веке, но думается, что и через пять тысячелетий люди будут так же попадать в плен обаяния царицы — мудрой, женственной, прекрасной.

Амарна... Маленькая точка на лице земли, забытая и мало кому известная, вдруг стала равной по славе знаменитым городам и столицам... Египетские Помпеи. Веками спавшая под толщей песков и вдруг явившая людям всю прелесть и животворное чудо древнего искусства Египта. Амарна... Ты рассказывала нам о коротком миге в истории нашей земли. Какие-то считанные годы отделяют начало твоего рождения от часа бесславного заката этой столицы государства неистового Эхнатона. Быстро пролетели годы твоей короткой славы, злата, расцвета, но с какой непередаваемой остротой донесли немногие создания искусства, дошедшие до наших дней, прелесть новой красоты, овладевшей в те времена сердцами неизвестных ныне египетских мастеров. С какой невыявленной доселе силой овладевает нами певучая, необычайно человеческая форма скульптур и росписей, найденных в Амарне, и среди них истинная жемчужина — портрет Нефертити.

Эхнатон, борясь с кастой фиванских жрецов, в их лице борясь со всем старым, косым, догматическим, чуждым в Древнем Египте, он борется с условностями, с условностями, с условностями древности. При нем родился новый литературный язык, простой, народный, язык площадей и улиц... Так же нов был и язык пластики Амарны, разрушивший каноны условных модулей, идеализировавших натуру и находившихся в плену многовековых традиций. Среди лучших скульптурных портретов амарнского периода были образы дочерей Эхнатона и Нефертити — Меритатон и Анхесенпаатон, поражающие нас сегодня обаянием, свежестью и удивительной мягкой лепкой, трепетностью характеров.

Анхесенпаатон... Нельзя остаться равнодушным, видя это девичье лицо, наполненное дыханием юности и чистоты. На нас глядят чуть-чуть раскосые миловидные глаза, мы ощущаем дыхание и чувствуем мимолетную улыбку, блуждающую на губах этой девочки-царицы, уже обаятельной, несомненно на своей юности с таким же ребенком, юным Тутанхамоном... Она еще не знает ничего об ожидающей ее и мужа судьбе... Они радуются жизни, устывая вместе с отцом и матерью во всех дворцовых увеселениях, торжествах, церемониях... Но время готовит им страшные испытания... Вскоре умирает совсем молодой Эхнатон, не завершив свои реформы. Исчезает с исторической сцены Нефертити... В течение двух лет страной правит мать старшей дочери фараона Меритатон — Сменхкара — и умирает. Судьба было угодно, чтобы его заменил совсем еще юный Тутанхамон... Нам уже известно, что молодой фараон быстро попадает под влияние Эхнатона, фиванских жрецов. Он воссоздает в своем культа бога Амона, возвращается в Фивы и становится Тутанхамоном, а его жена принимает имя Анхесеннамон. Так замкнулся круг. Все вернулось к старому. Новое открылось храмы Амона. И вновь верноподанные египтяне с тем же тщанием стали уничтожать повсеместно ненавистное уже теперь имя бога Атона... Но историю, искусство нельзя было повернуть вспять. Амарский период оставил неизгладимый след в развитии культуры и искусства Древнего Египта. Оно стало более человеческим, жизненным, острим. Следы этого благотворного воздействия на скульптуру, прикладное искусство, живопись можно видеть на образцах сокровищ гробницы Тутанхамона. Едва кто-нибудь в наше время слышит название Древнего Египта. Ведь от той далекой поры не осталось ни или как-либо подобных зпписей. Хотя широко известны древние изображения египетских музыкантов, играющих на арфе, систра, трубах. Их образы запечатлены на рельефах, росписях, мозаиках стел, далеких времен.

Мне посчастливилось услышать музыку этой древней страны. Это было в тот миг, когда я вошел в большой белый зал Музея изобразительных искусств. В тот благословенный день, когда, кроме необходимых охраны, никого не было. Гуляя тишина царяла кругом. И в этой торжественной пустынности особенно значительно, объемно, изумительно тонок и строго смотрелся шедевр, найденный в гробнице Тутанхамона. Ровный, спокойный свет струился сверху, обаял сокровища, привезенные из Каирского музея, мягкой золотистой пеленой... Я как зачарованный останавливался...

Передо мною открылся древний мир Красоты.

Я безотрывно гляжу и гляжу на небольшую статую юного царя, плывущего на ладье по Нилу, и мне кажется, что я слышу мелодичный плеск волн великой реки. Я люблю зорким орнаментом золотых украшений, этих летящих могучих коршунов, драгоценных скарабеев, зорных ожерелий, и мне снится, что моего слуха достигают строгие ритмы позных золотых струн арфы... В трепетных бликах металла я вижу символическое изображение божественного лица Солнца, и в моей душе звучат слова гимна, написанного еще во времена Эхнатона, воспевающие дневное светило, пробуждающее землю и все живое: «Вся земля принимается за работу, все живое удовлетворено своими травами, деревья и травы зеленеют, птицы вылетают из их гнезд, и их крылья величают твой дух, звери скачут на своих ногах, все, что летает и ползает, все живет, когда ты восходишь для них». Я слышу щебет птиц, пение ветра, шелест листьев... Я смотрю на стремительные и в то же время предельно выверенные линии скульптур, и меня поражает чуждость и неувязность их силуэтов. Меня покоряет нежность и чарующая прелесть лица и оскани молодого царя и его юной супруги, я чувствую дыхание целомудренной, чистой любви, которая связывала эти два сердца. И этот праздник дивной пластики, многократно повторенный в нежных материалах, слился у меня в душе в неведомую, новую для меня гармонию, полную сияющей древней полифонии. Я убедился в невероятной музыкальности древнеегипетских мастеров — живописцев, скульпторов, ювелиров, сумевших заставить звучать камень, дерево, металл. И голоса их творений, такие разные по силе и тональности, достигли поразительной по глубине и изяществу мелодии. Я восторженно услышал музыку времени или, скорее, песни жизни, постоянству и красоте, которую сложил сам народ, невзирая на все тяготы своей судьбы... В моем сердце прозвучала удивительная симфония радости бытия и полноты ощущения любви к свету... И вдруг я понял, что эти мажорные, светонесные, жизнелюбивые мотивы были могущественной антитезой мраку, ужасу и страданию, они были свидетелями духовного здоровья египетских мастеров из народа, находивших в себе силы вопреки режиму страха и насилия, несмотря на вечно стоящую на их пороге нищету, славить свет, верить в победу Солнца над мраком. Вятелей и живописцев несколько не смущали суровые догмы и каноны, выработанные веками. Их мудрые сердца, их любовь к жизненной правде одолевала фанатизм придуманных рамок и помогала создавать творения непреодолимой ценности, в которых с невероятной экспрессией, невзирая на культовые модули, предписанные жрецами, звучало само время, в котором они творили. И поэтому мы с такой радостью знакомимся с произведениями, созданными художниками в послемамарский период, ибо мы еще и еще раз убеждаемся в благодатной роли Амарны — этого поистине Ренессанса в древнеегипетском искусстве, благоприятствовавшего дальнейшему расцвету гуманистических тенденций в скульптуре и живописи той поры и отличающегося особым обаянием и прелестью созданных художниками Амарны и их последователями образов. Думаю, что сам внешний облик Тутанхамона — царя-юноши и его супруги царицы особенно приличил к душе художников, и они нашли какой-то особый, трепетный язык пластического выражения, чтобы увековечить эти полюбящиеся им характеры... Может быть, народ испытывал известную долю разочарования после неистовых реформ еретика-фараона Эхнатона, которые, по существу, ничего не принесли простому народу... Молодой Тутанхамон и начало его царствования, его доброта рождала какие-то иллюзии, какие-то надежды на лучшую жизнь. Правда, разочарование пришло довольно скоро, ибо народ увидел вновь привычные им фигуры старых великих, фиванских жрецов Амона и пришедшую вместе с ними реакцию... Я еще и еще раз обходил экспозицию большого зала, дышал воздухом Древнего Египта, и душа моя была переполнена благодарности к художникам, которые открывают нам двери в Прекрасное... Трудно было поверить, что все эти сияющие, подобно маленьким звездам, изображения, по существу, были погребены во мраке бытия, и только чудо вернуло их людям... Чудо разума и упорства Человека!

Мои размышления прервал шум... И вновь я увидел ребят из киногруппы, перетаскивающие аппаратуру, софиты, тнущих электропроводку... И снова лучи юпитеров вершили чудеса, и снова я увидел главную сердцевину искусства Древнего Египта — внутреннее движение, скрытое под маской внешней скованности... И если услышать музыку творений Древнего Египта мне помогла... тишина, то экспрессивные формы древних мастеров мне сейчас помогут познать... красоту и величие искусства... Вот оператор попросил навести луч юпитера на маленькую композицию «Тутанхамон на ладье», на которой изображен фараон в короне Нижнего Египта, плывущий на маленькой лодке... В руках у юноши гарпун и свернутая, как лассо, веревка... Легкая ладья... Стройная, тонкая фигура молодого царя... Поток яркого света заставил ожить статую. Ассистенты приложили синюю прозрачную пленку к софиту, и голубой-голубой свет свершил еще одно чудо. Белый щит, подставленный как фон, вдруг превратился в... небо, черное дерезо постамента стало в свете юпитера синие-фиолетовой водой реки... Ладья поплыла... Упали глубокие тени... Вздвинул гарпун в сильной руке, раскрылись черные лассо... Я увидел начало боя фараона с чудовищем... В древнем папирусе не раз описывалось это сражение Добра и Зла. Вот отрывок из этого мифа: «И вот они предстали на своих судах перед Эннеадой. Тут лодка Сета погрузилась в воду. Сет превратился в гиппопотама и вознамерился потопить лодку Гора. Но тогда Гора взял гарпун и метнул его в божественного Сета... Тутанхамон, он же мифический герой, видит перед собою чудовищный оскал сына Зла. Но его не пугает страшлище. На его лице блуждает улыбка. Он уверен в победе Добра. Он сделал шаг навстречу Сету, и сейчас прозвонит острый гарпун, и через миг враг будет поражен... Ослепительный свет превратил зеленое сукно стола в воду Нила. Голубая рябь мерцала в потоке лучей юпитера. Я подошел ближе. С какой изумительной экспрессией выточены были все детали скульптуры... Ювелирная, чеканная форма головы, изящные, сильные кисти рук, точенные длинные ноги юноши, обутые в простые сандалии. Я видел, как под загорелой кожей молодого

Гробница Тутанхамона.

Фото М. Савина.

бойца играют мышцы, как радостно ликует победоносная плоть! Эта фигура была полна шевелом скульптуры, предостыжавшей своей динамичной лунной творения Родена и Бурделя... В чем секрет убедительности воплощения легенды в такой совершенной форме — абсолютной реалистичной и жизненной?.. Мне кажется, что прежде всего в простодушной вере неизвестного ныне мастера в истинность мифа, в его личной убежденности в конечную победу Добра над Злом... В этой цельности духовного мира художника одна из основных тайн создания высочайших творений искусства. Верал... Не оставляющая места для скепсиса и цинизма. Чистота и искренность всех помыслов художника рождала адекватную по силе и убедительности форму...

Поглали юпитеры... Было жарко... Усталый оператор вытирал пот. Долго-долго я бродил еще по залам экспозиции. Перед моими глазами таинственно светился алмазист, расцветая неведомыми цветами в виде изумительных чаш. Я изучил поражающие филигранные рельефы золотого наоса, похожего на миниатюрный египетский храм. На этих чеканных изображениях мы вновь увидели юную влюбленную пару, забывшую, что они цари. Ласкавшую друг друга. Нежную и трогательную. Я еще и еще раз подходил к магическому изображению Тутанхамона из полупрозрачного камня и не мог оторвать взора от широко раскрытых бесконечно грустных глаз молодого владыки, не мог наглядеться на его мягкую улыбку... Меня околдовали маленькие фигурки ушебти, роль которых в судьбе фараона была особой. Вот что рассказывает об этих магических скульптурах «Книга мертвых». Они, эти ушебти, должны заменять на том свете порфироносного владыку и исполнять за него все тяжелые работы на «полях блаженных» — когда человек обязан возделывать поля, орошать пастбища или переносить песок с востока на запад...

И во всех этих творениях рук человеческих, предназначенных для гробницы, я видел лишь тянущую, всепобеждающую жизнь. Вечное стремление человека к прекрасному, к свету, которое не в состоянии обуздать никакая сила...

И снова что-то привлекло меня к золотой маске Тутанхамона... Стенное... В огромном пустом зале бродили седые тени. На потресканном фоне призрачно сияло лицо молодого человека... Тишина незаметно подбиралась и легла где-то рядом... Я невольно глядел, как наступающая темнота все больше и больше убирала все лишнее... Остались глаза... Огромные... Широко раскрытые. Юноша смотрел в грядущие века.

ПОСЛЕДНИЙ ЛОСЬ

Джеймс ОЛДРИДЖ

РАССКАЗ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Б 3

Было еще темно, когда Джек точными, короткими гребками весла повел челнок по зеркальной поверхности озера. Ни одного звука не доносилось из раскинувшейся вокруг многомильной пустыни — лишь изредка всплеснет вода под веслом или под носом челнока.

— Рой много ходил по этому озеру в челноке, — сказал Джек, работая веслами. — Тут он и нашел этот урановый клад.

— Урановый? Не могу представить, чтобы Рой смог это сделать, — отозвался Лоусон.

— С ним была та женщина, миссис Иген из Чикаго. Она все и сделала. Каждое лето она приезжала сюда ловить рыбу, и Рой ее обслуживал. В тот год улов был из рук вон плох. Они объездили все озеро, но так ничего и не наловили. Как-то, переезжая через это озеро, они видят: самолет кружит над водой. Миссис Иген спрашивает: «Зачем сюда авиация залетела?» Рой и говорит: «Ищут уран. Со счетчиком Гейгера». А эта женщина, так сказать, по уши сидела в бизнесе: закупила товары для большого универмага в Чикаго. «А почему, — говорит она Рой, — нам с вами не ввязаться за такое дело?» Рой засмеялся и отвечает: «О'кей». Они наняли в Солт-сент-Мари самолет, раздобыли этого самого «Гейгера» и стали летать над участком. И оказалось, что уранового хлама тут полным-полно...

Лоусон, сидя спиной к Джеку, только безнадежно махнул рукой.

— Вскормила эта леди сколотила в Чикаго компанию и Роя назначила директором. Позднее довелось им переплатить свою заявку большой американской компании «Урокэн». Так вот, на долю Роя из вырученных денег пришлось больше двухсот двадцати тысяч долларов.

— Боже правый!

— После тут другие зероверлы затеяли самостоятельно искать этот клад. Куда там! Остались без последней рубашки. У них ведь не было такой ниньки, как миссис Иген...

— А миссис Иген с Роєм не начинали бурить здесь, на участке?

— Пробурили две дыры на том берегу Оленьего озера. Просто так, чтобы оформить заявку. А потом стали выкидать, пока не обозначится хорошая цена. А тут «Урокэн» и взяла концессию на всю округу. Эта большая компания начала даже добы-

вать руду. Но Иисус Мария! Можете себе представить, Уил, — в наших-то местах!

— Да, не могу представить. И вообще не хочу думать об этом.

— Но вот чего вы не знаете: Рой и слышать не хотел об этих деньгах. Оставил их в банке, а сам вернулся в лес, к своим ловушкам. И его Джинни — тоже: даже длинным багром не хотела дотрагиваться до этих долларов...

— А Рой жалел потом, что связался с таким делом?

— Не думаю. Он просто не мог остановиться эту леди. Но послушайте, как оборачивается это дело сейчас.

— Что еще?

— Как вы думаете, куда пойдет этот куш Роя?

— Думаю, отойдет налоговому управлению.

— Нет. Все получит этот толстогаздый бездельник, братец Роя. Если только адвокаты сумеют отыскать его в Штатах и вытащить за ноги из какого-нибудь кабака...

— Да, такие уж это деньги, — сказал Лоусон.

— Совершенно верно! — воскликнул Джек и почесал лысину. — Такие деньги всегда какие-нибудь ублюдки прибирают к рукам.

Уже начал пробиваться рассвет, словно кто-то раздвигал большой серый занавес. Они почти доплыли до небольшой песчаной отмели, где Джек должен был покинуть Лоусона. Лоусону предстояло подняться по каменному нагорью, а Джек пойдет назад к озеру, начнет описывать большую кривую, двигаясь с тыла, и они встретятся у хижинки-однодневки, которую Рой соорудил много лет назад на самой середине участка.

— Погодите-на минутку! — вдруг проговорил Джек, виноватая весло из воды.

— А что такое?

— Вы ничего не слышите?

— Нет.

— Мне показалось: старый бык затрубил. Только где-то далеко. Очень далеко.

— Ну, для лосей сейчас уже поздно трубить, — усомнился Лоусон.

— Только не здесь. Они и в декабре, бывало, режут вон в тех скалах, зовут друг друга. Но нашему быку, правда, звать некогда. Ни коровы нет, ни соперника-быка...

— А вы твердо убеждены, Джек, что он последний?

— Как же не твердо? Я знаю местность. И знаю, о чем думает этот старый бык. Он ищет то, чего не может найти, хотя и знает, что он последний.

Джек вытащил лодку на песок. Лоусон с мешком за плечами вступил на берег. Джек протянул ему тяжелый винчестер-348 и сказал:

— А вы ведь, как прежде, молодой и крепкий, Уил! Таскаете с собой эту чертову пушку.

— Зато пуля из нее, если угодит в кого-нибудь, убивает наповал. И не понадобится глядеть, как раненый зверь мечется и истекает кровью, прежде чем издохнуть.

— Ладно. Только будьте все время на-

стороже, — сказал Джек, — потому что старый бык, если зайдет с тыла, обязательно кинется, как те испанские быки. Мне не хотелось бы собирать вас по кускам. Он свирепый и отчаянный, этот старый зверь. Так что берегитесь!

Джек был уже в сотне шагов, когда докричал свои последние предостережения. Лоусон стал смотреть, как плывет челнок, задрал нос из-за перегруженной кормы. Джек сильными гребками гнал свою лодку к берегу. Он был готов выполнить свой маневр и помочь Лоусону накрыть старого быка там, наверху, в его скалистом обиталище.

4

Лоусону было незачем спешить, и он слезл за Джеком до тех пор, пока тот не скрылся из виду. Тогда он заложил четыре патрона в магазинную коробку винчестера и повесил ружье через плечо. Он глубоко вдохнул утренний воздух и двинулся вверх по каменному склону, через первую, вторую, третью рошчицы молодых деревьев.

Пейзаж становился беднее, чем внизу: полстолетия назад тут начали хозяйничать лесорубы, они почти начисто свели ель, сосну, лиственницу. И вместо здесь, среди этого лесного молодняка, его ожидало то, для чего он так рвался сюда: поиск лоса, старого быка, последнего из своего рода. А может быть, это окажется и поиском того неповторимого, что еще живет, притаившись, в нем, Лоусоне?

— Я вышел добывать лоса, я на охоте, — строго приказал он себе. — Довольно этих интеллигентских снов среди бела дня, бесплодного дрейфа мыслей в голове!

Первая миля была только началом, как бы ничейной полосой между озером и нагорьем. Но еще одна, другая миля — и вот он уже в плену у гигантской, поросшей лесом, величественной пустыни Канадского Севера. И уже нет вокруг, куда только достает глаз, ничего, что могло бы являть в счет, — только он один со своими мыслями. Что же в конце концов ожидает его здесь? Он старался не думать об этом. Может быть, всего лишь прощальный взгляд на себя, перед тем как он вернется назад, к жизни, сотканной из уступок...

— У Ренэ, наверное, теперь тоже такие мысли, — решил он, но глаза его уже зорко смотрели по сторонам, ища еле заметных следов, какие оставляет на ходу лось. — Она, — вернулся он к Ренэ, — должно быть, тоскует по той юной французке, какой была когда-то, самозабвенно мчавшейся на старом велосипед по аллее, обсаженной голыми зимними деревьями, там, в Кур-Мирабо, в Эксе.

Что ж, он не может думать и решать за нее. Хотя и за себя тоже... Поэтому — сосредоточиться на старом быке, который ждет где-то там, впереди! Он ведь знает — этот последний лось, — что это будет решающая встреча между ними...

Вот они наконец, эти следы! Он видит их: два клочка шерсти и немного лосного помета у нижней части ствола одинокой ели.

«Имитация любви, — объяснял им Энгус, когда они находили такие следы. — Лось трется задом о ствол дерева, когда не может найти вовремя подругу. Отчаяние...»

Причиной может быть и другое: лось пытается избавиться от изматывающего зуда, вызываемого какими-то паразитами, которые поселяются в слизистой оболочке прямой кишки. У некоторых видов китов подобные паразиты заводятся в складках губ. Вообще говоря, подумал он вдруг, живое существо выживает или гибнет в зависимости от того, насколько оно способно справиться со своими паразитами...

Этому помеху, видимо, не больше двух дней. Но старый бык мог ведь уйти и укрыться где-нибудь, пусть даже не очень далеко отсюда. Лоусон решил подняться на продолговатый волнистый край, это даст ему преимущество: с высоты наблюдать легче.

И уберечься от нападения с тыла, — напомнил он себе. — Ты вступаешь теперь на территорию противника!

Два часа он поднимался по крутой, петляющей тропе, которую когда-то показал ему Рой. Теперь на поворотах тропы он снова и снова всматривался в каждое дерево, в каждый куст, хотя, казалось бы, уже видел все за несколько минут до этого. Вступало в действие зрение охотника. Это пришло само собой, оставалось только остерегаться коварства того, другого, по следу которого он идет, — таинственного отшельника, которого он собирается убить. Убить — и тем оправдать перед собой собственное, уже недолгое существование?..

Какая все-таки жалость, что участок Роя опустел! Он подумал об этом, но мысли его уже отвлечло нечто другое: он стал по-прежнему примечать, что в лесу еще водится малый зверь — шумливая красная белка, лиса, запах которой донесся восторженно, короткий визг — это, должно быть, норка, а может, и ласка? Здесь еще хватало этого малого меха, чтобы прокормить скромного зверюшку, пусть даже большой зверь и большой мех ушли дальше, на север.

Никому после смерти Роя не приходило больше в голову ставить ловушки на его участке. Даже когда под носом уран. Так или иначе, это общая беда, подумалось ему. Скромно прожить на американском континенте никто больше не в состоянии, даже в лесной глуши. Тот же немолчаливый груз давит на человека и здесь, как где-нибудь в Литл-Рок, Арканзасе или на Мэдисон-авеню в Нью-Йорке. Накопился лишний погреб! Хватать все, используй любой способ, иначе тебя мигом загонят в угол. Тебе останется одно — сжать кулаки в отчаянной надежде хоть как-то защитить себя.

— Ладно, хватит об этом, — еще раз сердито оборвал он себя.

Лоусон подошел к краю скалы и некоторое время стоял, глядя на север, на бесчисленные озера и болотистые поляны, которые так любят лоси.

— Он непременно где-то здесь, близко, — решил он. — Так не думай же ни о чем другом. И предоставь роду человеческому самому справляться с его заботами!

Это была циничная мысль. Но именно она была нужна ему сейчас. Он должен целиком подчиниться закону охоты.

В следующие два часа он обнаружил еще два следа: несколько свежесоблюманных зеленых веток на высоте головы лоса и два слабых отпечатка копыт на сырой палой листве. Он почувствовал, что идет по верной дороге — по той, где прошел старый бык.

Рой был прав, когда говорил, что эта тропа — самая надежная, если ты собрался охотиться на лоса в этих местах. Но Лоусону не хотелось все-таки драь промах, стреляя по старому быку, который где-то здесь ждет его. «Нет, старина, тебе не обвести меня вокруг пальца» — усмехнулся он и сбросил рюкзаки на землю. Потом разжег небольшой костер и стал кипятить воду для кофе к завтраку.

Я думаю, немного посижу и подумаю о тебе, старина, — сказал он вслух. — Наверно, и ты размышляешь сейчас обо мне!

За завтраком он съел четыре сваренных вкрутую яйца, которые достал из пластмасового ящичка. Покончив с едой, он прилежал на землю, вытянулся на спину и тут услышал, как хрустнул под ним маленький контейнер для яиц. Он досадливо поморщился.

— Чертов мусор, — проворчал он.

Повсюду этакая дрянь сопровождает тебя в жизни! Заменители всех сортов и видов, пластмасы, искусственные химические материалы... И каждый из нас покорно и беспомощно допускает в свою жизнь эти объедки с прищипленного стола природы. Такова, конечно, и его собственная жизнь. Неужели не осталось ничего безыскусственного, первозданного? Или это —

одна из тех же уступок, от которых ты настолько потускнел и уяс, что не годен уже на что-либо подлинное?

— Чик-а-ди-ди-ди...

Лоусон осторожно, почти не поворачивая головы, огляделся. Он притянул к себе вичестер, положил его на колени и стал внимательно вслушиваться. Из кустов доносились десятки слабых потрескиваний, но так было всегда, и это не говорило о присутствии старого лоса.

— Ты ляжешь, — прошептал он в ответ на этот слабый, успокаивающий шумок. — Все лгут, — добавил он громче.

Лгут — в чем?

В том-то и состоял мучивший его вопрос. В чем, например, лжет он самому себе? Он

этого не знал. Он мог только здесь признать себе в том, что впустил потратить лучшие годы своей зрелости. Пятнадцать лет он отдал тому, чтобы придумать способ уберечь от вымирания два вида — арктического нита и тихоокеанского лосося... Недавно, два месяца тому назад, в жаркий, душный день, когда он спускался по расшатанным деревянным ступенькам старой лаборатории в бухте Беррард, его вдруг осенило: полтора десятка лет тяжелых усилий — а он не только не сделал, но и не мог сделать ничего. Потому что оба эти вида обречены! Если не теперь и не вконец, то в конечном счете.

И ничто не может отменить этого, — заговорил он, обращаясь к свиному наднаскому небу, которое плыло над ним. — Абсолютно ничто!

Некоторые виды, правда, могут выжить. Но только потому, что самой природе приходится превращать себя в зоопарк, чтобы спасти их. Заповедники? Это только удобная вывеска, придуманная людьми, чтобы оправдать превращение природы в уставленный клетками зверинец...

— Чин-а-дин-а-дин...
Снова над ним насракается какой-то маленький крылатый зацира... Лоусон приподнял и сел. И вдруг услышал отчетливый, сильный треск в кустах. Ах, вот, вот оно!

Он схватил вичнестер. Но в то же мгновение ворвался мощный гул, как от бульдозера, расщипающего просеку в лесу. Это был он, старый бык! Он ломился сквозь подлесок, скурывая все на своем пути, в канье-нибудь десять секунд отчаянного бега прорвался по луговине и пропал в лесу. Когда Лоусон вскочил и бросился за ним, его и след простыл.

— Чертов идиот! — простонал охотник, награждая этими словами самого себя.

Он торопливо уложил рюкзаки, вскинул его на плечи, раздраженно пхнул в кучу листьев дурацкий пластмассовый контейнер, затоптал костер, забросал землей пепел. Подхватив вичнестер, он бросился бежать. Теперь вместо слепого выслеживания зверя начиналась забавная, восторженная погоня. До сих пор он еще втайне колебался, хочется ли ему или нет застрелить этого старого быка. Теперь никаких колебаний. При первой же возможности он всадит остроколючую пулю вичнестера в раздувающихся, пульсирующих легких, или в печень, или в сердце огромного пустынного — зверя.

— И никакой возвышенной чепухи во время работы! — зарычал он на себя, все ускоряя бег. — Если уж тебя влечет к мировым проблемам, к этим проклятым противоречиям, не тебе решать их в одиночку... Твоя отживающая молодость чертя голову рвется сейчас сквозь лесную чащу! Спеша за ней и убей старого быка!

Но и к десяти часам следующего утра он не смог достигнуть свою добычу. Ночь пришлось провести в спальном мешке под навесом скалы. Вичнестер он положил рядом с собой, с патроном в стволе. Ночью он слышал голодный вой лесных волков — для них тут было мало пищи, и он не рискнул оказаться застигнутым врасплох стаей отчаявшихся хищников.

Он обрадовался, когда начался рассвет. Утро пришло ясное, холодное, с девственно голубым небом. Воздух был так прозрачен, что каждая малость виделась отчетливо, как стрелы на циферблате наручных часов.

Он потратил еще некоторое время на завтрак — сэндвич, кусок мяса, поджаренный на слабом огне, и кофе, такой сладкий, что, запивая им еду, он не чувствовал ее вкуса. Потом он поднялся и стал готовиться.

Ну что ж, — сказал он себе, затопывая огонь. — За работу...

Он оставил патрон в стволе вичнестера. Обычно он неохотно делал это, предпочитал досылать патрон перед самым выстрелом, пока зверь не скрылся. «Сейчас иное дело», — подумал он.

До сих пор он шел за старым быком, улавливая в уме логику поведения животного с тем, что видел собственными глазами. Теперь было ясно, что старый бык на время будет чувствоваться в безопасности и станет кормиться где-то там, впереди. И он двинулся быстрым шагом, слегка наклоняясь

корпусом вперед, — так его учил ходить Рой, приговаривавший при этом: «Мозги свои, приятель, выдвигай на передовую позицию».

Что ж, мозг его работал сейчас, как отлаженный механизм. Несколько раз он улавливал впереди звуки, напоминавшие шарканье копыт по листьям. Дважды замирал на месте, дожидаясь, пока красивые белки привыкнут к нему и вернуться к своим величым делам.

Вскоре уже на четвереньках он подползал к краю небольшого пригорка, откуда видно было лесное пространство. Полчаса он потратил на то, чтобы получить разглядеть очертания молодого леса напротив — ведь лесные рога легко маскируются под ветви деревьев. Потом он осторожно двинулся дальше, чувствуя, как наконец возвращается к нему старое, несравнимое наслаждение охоты.

— Внимание! — прошептал он.

Что-то заставило его скинуть рюкзаки и подожиться старой ели. Он почувствовал, как заколотилось у него сердце и бодрящий холодок пробежал по спине.

Крак... Крак... Крак...

Старый бык возился впереди, совсем близко. Лоусон загоревшимися глазами уставился на опушку березового подлеска, откуда должен был появиться этот старый урод. И тут же он услышал, как лось терся рогами о дерево.

— Давай! — прошептал он нетерпеливо на несколько мгновений закрыл глаза, чтобы потом снова видеть (тоже наука Роя). Когда он их открыл, вокруг было так тихо, что он отчетливо услышал, как старый бык что-то жует.

Потом жевание прекратилось, и Лоусон решил, что бык думает. Он медленно поднял вичнестер — так, чтобы легко было его вскинуть и прицелиться. Он сказал себе, что надо выждать еще. Но через три бесконечные минуты понял, что пора сделать еще несколько шагов вперед.

Он отделился от старой ели и, не спуская глаз со своих ног, стал беззвучно передвигать их по мягкой земле. Так он продвинулся на несколько ярдов. И уже готов был наметить направление дальнейшего продвижения, как вдруг остро почувствовал, что совершенно открыт сбоку, с правой стороны. Он торопливо повернул голову вправо.

Там, меньше чем в десяти ярдах от него, стояло, низко наклонив рогатую голову, косматое чудовище — старый бык. Это могло кончиться только так, как кончилось. Старый бык кинулся.

Искать спасения было бесполезно. Вичнестер, который он еще попытался вскинуть, был в его руках как мертвая дубинка. Но выстрел все-таки раздался — прежде чем он успел прицелиться. В то же мгновение рога поделили его под правую руку, вошли в ребра, в поясницу, ударили по затылку. Он взлетел в воздух. На одну долю секунды у него мелькнула дикая мысль: он так прочно насажен теперь на эти вилы, что никто уже не сможет его отцепить...

Но нет, он был обречен в сторону, к деревьям, и свалился на землю. Он уже понимал, что тяжело изувечен, но обрадовался тому, что избежал от страшных, беспощадных рогов.

— О, я безмозглый убоженок, — успел он еще простонать в беспомоществе. Жесткая боль в изуродованном теле, ужас, потрясение — все это поглотило его и увлекло в бездонную тьму.

5

Когда он пришел в себя, первым его чувством было удивление. Бык лежал в кустарнике прямо перед ним, как огромный, туго набитый тряпьем старый диван.

Лоусон несколько мгновений вглядывался, потом понял, что произошло. Он только не знал, сколько времени был без сознания. И он боялся пошевелиться. Ребра у него с правой стороны, видимо, пошли к чертям. Он чувствовал, как крошечный тлеющий из живота. Головы он повернуть не мог — шея была вспорота сзади до самой лопатки. Но тут он еще раз поднял глаза на быка и уви-

дел, что тот мучительно пытается подняться на ноги...

— Должно быть, попало ему в грудную клетку, — проговорил Лоусон. Но слова эти доносились до его сознания откуда-то издали. Он решил во что бы то ни стало посмотреть на то страшное, что было у него перед глазами. И главное — не терять сознания. Он пока еще не испытывал страха, но уже боялся той минуты, когда страх придет...

Он с трудом начал было выпрямлять левую ногу, но бессильно откинулся на спину. Нет, он не будет думать о себе — этого он боялся тоже.

«Хотелось бы знать, где сейчас Джек? — обратился он к прекрасному голубому небу. — Он ведь слышал мой выстрел?»

Они условились, что в случае бедствия сигналом будут три выстрела с короткими промежутками. Но все равно, вичнестера не было видно. Он с невероятным усилием приподнялся и снова потерял сознание. Очнувшись, он все-таки огляделся и тут заметил, что ружье торчит в мягкой земле стволом вниз, всего в нескольких дюймах от ступни его левой ноги.

— Ради бога, только осторожно, — сказал он себе. И хотя у него не было сил пошевелиться и уже в глазах накапливались непрошенные слезы, он стал поднимать левую ногу, пока ступня не зацепила ружье и не опрокинула его. Вичнестер упал прямо на него, крепко ступнув по лбу и окровавив щеку.

Он призвал на помощь всю свою волю и взял ружье левой рукой. Поддерживая его ногой, он нащупал пальцами затвор и дослал новый патрон.

Приподняв голову, он увидел, что бык сумел-таки подняться на ноги. Зверь повзвинулся вполоборота, и стала видна ужасная дыра, пробитая выстрелом в его груди. Кровь стекала оттуда струйками. Мучимый собственным страданием, Лоусон решил во что бы то ни стало добить старого быка. Добить, чтобы тот не погнал в чащу...

Только спокойно, — простонал он, словно устанавливая последнюю связь между изувеченными телами обоих — его и лоса.

Он, как мог, направил вичнестер в сторону старого быка и, как мог, стал прицеливаться. Несколько мгновений они глядели друг на друга, словно борцы на арене, постигая трагическую суть того, что сейчас должно было совершиться.

Потом Лоусон нажал курок. Старый бык зашатался, он на задние ноги и медленно, даже как будто осторожно, опустился на землю. Тогда Лоусон еще дважды нажал курок, и два выстрела вверх дополнили условный сигнал.

Это было все. Он убил зверя. И воззвал о помощи.

Через несколько минут боль стала брать верх над его напряжением волеи. Он он все не отводил глаз от останков этого лесного патриарха, безжизненно простершегося перед ним.

Теперь он уже знал, что сказал последнее прощание своей молодости. Но не о своей молодости думал он сейчас. Глушь лесов североамериканского континента распыляла перед его глазами как в тумане. Их прекрасная, целомуудренная первозданность угасала и была обречена. Подлинные охотники на красного зверя уходили из этих мест или ушли из жизни. И он понял, что вернулся сюда не только для того, чтобы сказать себе правду о своей собственной жизни, но и чтобы бросить любящий, прощальный взгляд на уходящую юность самого этого континента.

Он откинулся на спину и стал ждать. Может быть, он умрет здесь, рядом со старым быком. Но что бы с ним ни случилось — одно он знал твердо: в этой величественной пустыне, в самом сердце разграбленного континента, прозвучал последний его выстрел. Последний выстрел в его жизни — будь то в птицу, зверя или человека.

Перевел с английского
Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

ТОВАРИЩ «НУУХАУ»

З. ХИРЕН

В Харькове ровно в пять, как и условились, за мной заехал Геннадий Александрович Кудинов и повез к себе. Он обещал показать несколько снимков, на которых запечатлена задувка доменной печи в японском городе Нагоя.

За эти дни я немало слышал о этой печи. Инженеры харьковского института ВНИПИ «Черметэнергоистек» имеют все основания считать ее своим детищем. Фирма «Ниппон стила», купив у нас лицензию, применила советские системы высокого давления под коллошином и испарительного охлаждения. Система охлаждения позволила увеличить срок службы доменной печи на 3—4 года. Системы воспламенялись и сублицизируются — «Кавасаки стила», «Кобе стила», «Сумитомо металл индустри», «Нисини стила».

Одним из участников «доменной одиссеи» стал и Геннадий Александрович Кудинов, инженер, начальник научно-исследовательского отдела того самого института, где зародилась идея, так сказать, укорочения огня на металлургических печах.

За короткое время инженер чуть ли не дважды земной шар обошел! Побывал в США, Канаде, в ФРГ, во Франции, Италии, Австралии, наконец, три раза летал в Японию. И все по одной причине: он может о себе сказать, как и коллеги по институту, — «нуу хау» — «знаю как». В соответствии с соглашением они сопровождают за границу лицензию и оказывают фирмам помощь и консультацию в проектировании, строительстве, эксплуатации испарительного охлаждения на металлургических печах.

Мой собеседник ничуть не преувеличивает насчет «нуу хау».

За этими крылатыми словами большая работа коллектива харьковского института, ряда других институтов и заводов Москвы, Урала, Украины. В Москве, в Лицензторге, мне показали толстое досье об этой вот лицензии, которая уже несколько лет шагает с континента на континент, внося прогресс в металлургию стран с самой высокоразвитой индустрией.

«Советская промышленность привлекает внимание Запада своими достижениями в области усовершенствования системы охлаждения доменных печей», — сообщают

«Нью-Йорк таймс». — Советская индустрия становится особенно сильной в некоторых областях металлургии. «Мы удовлетворены внедрением советской технологии испарительного охлаждения доменных печей», — сказал Э. Умине, заместитель генерального руководителя отдела технического развития японской фирмы «Ниппон стила». Ее достоинства бесспорны: расход воды минимален, оператор имеет возможность управлять процессом охлаждения, обслуживание системы простое. Стоит ли удивляться тому, что наша фирма охотно купила лицензию на данную технологию? Я считаю, что она является новым замечательным этапом в металлургии, который по значению можно сравнить с появлением конвертеров».

— Все сейчас стремятся промышленные объекты строить мощнее. Взять хотя бы домы, соорудить их теперь с повышенным давлением газа под коллошином, — рассказывает Геннадий Александрович. — Вот столбик на термометре и подпрыгивает на немислимую высоту. Тут и самый огнеупорный кирпич не выдержит. А чем охладить кожух? По-всякому пробуют, но результаты получаются нерадующие. Повсюду применяют охлаждение печей проточной водой, было так и у нас до тех пор, пока Сергей Михайлович Андоньев, сперва, правда, лишь для мартенов, не сделал своего открытия. А чем же плоха проточная вода? Подсчи-

тали: одна печь проглатывает в сутки норму воды для населения целого города. При этом печам необходимы брызгальный бассейн, градири, насосные станции, крупные коммуникации водоснабжения. Но самое обидное, что все эти «жертвы» напрасны. На стенах, охлаждаемых обычной водой, толстым слоем оседает накипь, детали прогорают, печи выходят из строя, начинаются бесконечные ремонты. Представляете себе, в какую копеечку все это обходится! — спрашивает мой собеседник.

— Да, — отвечаю, — в какой-то степени представляю. Я ведь вам тоже могу кое-что рассказать. Не стану называть ни завода, но достаточно известен в стране, ни фамилий героев.

Много воды с тех пор утекло, не сомневаюсь, что все там теперь изменилось, и, конечно, к лучшему. Тот завод тоже страдал из-за частых ремонтов мартенов. Сталевары так и говорили: «Опять печки-лавочки». Приняло это несчастье такие масштабы, что, назначая нового директора, предпочли всем другим кандидатам инженера, который до окончания института работал на том заводе печником. Он родился в деревне, где все мужское население посвятило себя этой славной профессии... Приезжаю однажды на завод, спрашиваю директора, а мне отвечают: не знаем, где он. Все закоулки обзавил, но директор не обнаружил. Выручил редактор заводской радиогазеты, ма-

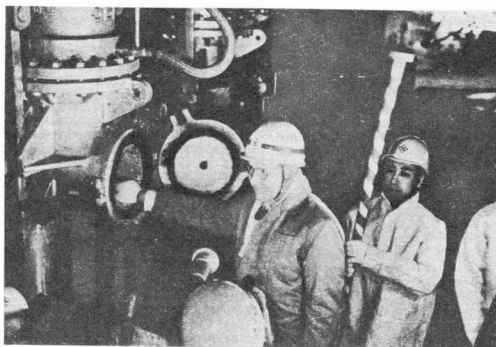
ленькая, немолодая уже женщина. «Эх, вы», — говорит, — а еще считаете себя ветераном нашего завода! Неужели не догадались, где директор? Да в печке он, вот где. Старую свою профессию не забывает. «Давайте, — прошу, — пойдем к нему». В печке так в печке... По дороге редактор объяснила, что печь, как это, увы, часто бывает, опять на ремонте. Ну и, конечно же, директор, как говорится, на месте события. Подходим к мартену. Моя спутница окликает директора, просит сказать несколько слов для заводских известию, и что же — вылезает тот из печи. На голове чалма громаднейшая. Оказывается, когда сунулся он в печь, она еще недостаточ-но остыла. Директор скинул с себя ватник, окунул его в чан воды, намотал на голову, как чалму, и полез в мартен. Директор все это рассказывает, а моя приятельница времени не теряет, записала да еще просит добавить несколько слов.

— Хоть бы, чертяки, попить дали сперва, — взмолился он, зачерпнул ковши из чана, с жадностью попил, вытер губы рукавом, произнес слова для «последних заводских известию», а потом снова в печь полез. Только подождал его сапог замелькали...

— Догадываюсь, где это было, — перебивает меня мой собеседник и называет завод. — Но теперь там все изменилось. Как раз на мартенах этого завода был впервые применен метод нашего охлаждения, и срок службы деталей печей уже тогда возрос в несколько раз.

Один из патриархов русской металлургии, академик Михаил Александрович Павлов, продолжает инженер, — впервые услышав об этой системе от нашего нынешнего директора Сергея Михайловича Андоньева, сказал: «Просто, хотя и парадоксально. Охлаждение кипящей водой! Получается, что восемьдесят лет мы работали неверно». Суть нового принципа такова: вода в охлаждаемых деталях доводится до температуры кипения, а тепло от стенок деталей отводится за счет скрытой теплоты парообразования. На испарительном охлаждении действуют холодильные плиты. Расход воды сокращается в шестьдесят — сто раз, значит, можно пользоваться химически очищенной водой, не дающей накипи. В результате полная революция в металлургии.

«Вот и микрорайон, куда недавно, буквально между двумя ка-

Нагоя. Япония. Почетное право задувки доменной печи № 3 предоставили председателю Лицензторга В. А. Салимовскому.

мандировками, переселился Кудинов. Лифт поднял нас на восьмой этаж. На ходу познакомив с домочадцами, хозяин повел меня в свой кабинет — маленькую, сплошь уставленную шкафами, увешанную книжками полками комнату. В углу — скрипка.

— Кто же у вас играет?

— Да сам немножко, — не без смущения отвечает он.

Позже мне рассказали, что в небольшом австралийском городке Нью-Кастле начальником домочадцев Мори Отгон, принимая у себя в доме Кудинова, пригласил его Чайковского, а гость в знак признательности исполнил на скрипке «Презис» Шумана.

— Погодите-ка, — перебивая я рассказчика, — а не тот ли это Мори Отгон, который приехал к нам в СССР вместе с техническим директором фирмы «Броукен Хилла Роном Невисоном»?

— Он самый.

Я ведь почему спрашиваю? В австралийской газете «Кембля ньюс» под заголовком «Наш человек посещает Россию» было опубликовано интервью с Невисоном о его посещении СССР, там и упоминалось, что приехал он с Мори Отгоном. В первых же строках Невисон сообщает: «Полный энтузиазма от большого блага Москвы и испарительного охлаждения, вернулся я домой». Далее в интервью говорится, что австралийскую фирму проблема охлаждения волновала много лет и советские специалисты успешно разрешили ее. Отчет Рона Невисона и Мори Отгона рассмотрел совет директоров фирмы, и было получено разрешение заключить контракт с советской стороной.

А в прошлом году во время подписания соглашения о развитии торгово-экономических отношений между СССР и Австралией Невисон заявил советской делегации, которую возглавлял министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев:

— Мы рассчитываем на развитие экономического сотрудничества с вами.

Ныне Невисон — технический директор «Юстразин Айрон энд стил» в городе Вуллонгонге. На этом крупнейшем металлургическом предприятии Австралии успешно используется изготовленная по советской лицензии система испарительного охлаждения доменных печей.

Кончился разговор об Австралии, и Геннадий Александрович показал мне фотографии, где запечатлен момент задувки доменной печи в Японии, в городе Нагое. На снимках без труда узнаю наших товарищей «ноу хау» и в их числе Кудинова, в каске, очках, в соответствующей робе. Вокруг японцы — организаторы церемонии. Спрашиваю, волновался ли тогда Кудинов.

Волнения не было, напротив, полная уверенность, что все будет нормально. Волновались японцы, для них наша система охлаждения была тогда новинкой. А для меня — уже десятая по счету доменная печь. Сотрудники нашего института — не только авторы открытия, разработчики, но и участники всех подобных сооружений на наших, отечественных, и зарубежных заводах. Я был просто убежден, что и на этот раз задувка пройдет отлично, что все агрегаты будут работать безаварийно. Когда все агрегаты пришли в готовность номер один, горящий фа-

кел опустили в отверстие воздушной фурмы. Это почетное право предоставляли прибывшему из Москвы представителю Лицензиратора Владимиру Александровичу Салимовскому.

— Вот смотрите, — продолжал Кудинов, — Получил недавно привет, можно сказать, с самой вершины Фудзиямы.

И действительно, на красном конверте я увидел знакомые очертания горы... «Испарительное охлаждение доменной печи № 3 в Нагое работает с отличными результатами», — писал Кудинов его японский коллега, — и я надеюсь, что мы вновь увидимся». Кроме этой печи, сейчас по советским лицензиям в Японии построено еще двенадцать доменных печей и шесть строятся — их должны пустить в нынешнем году.

Вся эта достижимость, и не только в Японии, но и во многих других странах, предшествовала громадная работа всего коллектива из института и работников Лицензиратора.

Наши специалисты участвовали в проектировании, в изготовлении оборудования, задувке доменных печей. Прилетев в полном чле в Японию, а уже на рассвете представляю «профессорскую кафедру». За день аудитории менялись раз десять. Переводчики от усталости с ног валялись, а «профессор» стой столбом и отвечал на вопросы. Японцы — мастера задавать вопросы. Старались каждую минуту пребывания в Японии советские специалисты использовать наиболее продуктивно. Навезут рабочую, инженерную, экономическую, те записывают, чертят, а чуть оговорились, и сразу перебивают: «В прошлый раз вы не так говорили». Один из переводчиков удивлялся: «И как вы выдерживаете непрерывный экзамен?» «Для нас это не экзамен, — ответил товарищ «ноу хау», — нам приятно, что ваши люди проявляют огромный интерес к техническому прогрессу советской металлургии».

В последний раз Кудинов бывал в Японии в составе делегации Министерства черной металлургии СССР. Еще из окна самолета увидел своего старого знакомого, японского специалиста Такеси Китагава. Сколько дней вместе провели они в «железных городах» — так гость окрестил Кузнецк и Череповец, куда наши товарищи привезли его для ознакомления с отечественной металлургией.

И вот тогда-то, в Череповце, за ужином гость шутил заметил:

— Япония всегда славилась веерами. Но на сей раз вы, русские, забрали веера в свои руки. Конечно, у ваших вееров другой фасон, другая начинка. Так по-русски говорят, начинка? Но цель одна — охлаждать. Мы делаем веера, изображая на них красивых гейш, а вы строите веера для доменных печей и ничего на них не изображаете. Зато ваши веера сэкономят нам миллионы иен.

Не прошло и месяца после возвращения Китагавы, видного японского металлурга, из Советского Союза, как он выступил в журнале «Токай», издающемся в Нагое, со статьей «Железный город, который находится между 50—60-й параллелями». В «Гибри он побывал зимой. Описывая берега, первый снег, Китагава приобщил к этим чисто национальным, по его выражению, приметам советское открытие испарительного охлаждения домен, назвав его также

чуть ли не национальной чертой. Кузнецк он сравнил со своим родным городом Нагое: «Далеко от Японии и в то же время очень близко». Признался, что с удовольствием пел «Подмосковные вечера», знакомился с нашими инженерами и рабочими, а в заключение написал: «Я узнал, что советские люди не только очень гостеприимны, но что на их доменных печах все сделано надежно и имеет большие резервы мощности. Они не наскучают оборудованию, не перегружают его. И еще: авторитет советских людей в технике не имеет границ. Если берется за дело, то обязательно выполнят. Что же касается доменных печей с системой испарительного охлаждения, то я убедился во время своей поездки, что Советский Союз занимает первое место в мире».

Вот что скрывалось за словами Китагавы «советский веер», произнесенными, как мы теперь убедились, вовсе не для красного слова.

Кстати, отвечая на вопросы корреспондента ТАСС, Китагава сказал, что советская система испарительного охлаждения доменных печей — самая прогрессивная в мире, она способствует увеличению производства чугуна и продлевает жизнь домам.

...Когда я уже закончил этот репортаж, мне случайно попался на глаза старый номер «Огонька». В очерке «Главное направление» корреспондент «Огонька» описал борьбу за то самое изобретение, которое спустя много лет помню, можно сказать, десимирное признание. «Настоящий ученый всегда должен обладать достаточной силой воли, чтобы признать свое поражение», — приводил автор советы, которые «друзья» давали тогда изобретателю. Да, герой очерка Сергей Андроньев действительно обладал большой силой воли, но только выразилась она вовсе не в признании поражения. Сила воли понадобилась Андроньеву, чтобы преодолеть все препятствия, доказать на деле прогрессивность своего открытия, свою правоту, внедрить в горячие цеха систему испарительного охлаждения.

...В кабинете Сергея Михайловича выставлен макет доменной печи. Макет, совершивший немало зарубежных путешествий, вернулся домой. Стоит нажать кнопку — и сразу загорится свет в тонких кривых трубочках, которыми обозначена система.

— И эту-то «кнопку» нажимают в горячих цехах разных стран наши товарищи «ноу хау», — заметил Андроньев, кивнув в сторону сотрудников института, среди которых было немало творцов новых технических свершений. — Сейчас на берегу Средиземного моря, во Франции, в небольшом городке Фос-сюр-Мер, воздвигается крупнейший металлургический центр. Ну и, конечно же, не обошлось без нашего «ноу хау». Туда был командирован в числе других специалистов сотрудник института Василий Андреевич Язев. Молодой еще человек, но у него на счету уже чирпнадцать доменных печей, смонтированных при его участии.

— А с чего все началось? — спрашиваю я у Андроньева, нажимая кнопку на макете.

— С сущего пустяка: с твердой веры в победу, — отвечает ученый.

М. БУТАЕВ

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА

КУР

К Л И

С М Е Т С Я

В Дагестане много аулов, и каждый из них своеобразен. Существуют аулы златоушников и канатоходцев, каменотесов и гончаров. И даже есть аул мезелендоржников. Это Сунбабты. Хотя он находится вовсе не у мезелендоржского полотна, а высоко в горах.

В ланском ауле Курилы, расположенном тоже где-то под небесами, живут и ученые, и златоушники, и каменотесы, и лудильщики, и садоводы, и сапожники. Но еще он отличается от других аулов тем, что в нем юмористов не меньше, чем в болгарском городе шутинов — Габрове, где мне довелось побывать.

Автор этих юмористических новелл Магомед Бутаев — уроженец аула Курилы, мой давний друг. Это о нем говорят в Дагестане: если тебе тяжело, то поделись с Магомедом. Его блонтин — это своего рода реестр жизненных наблюдений в родном ауле. А за плечом этого человека большая и интересная биография. Он прошел путь от солдата-фронтовика до главного редактора русского журнала республики «Советский Дагестан».

Перу М. Бутаева также принадлежат научные труды, многочисленные статьи и очерки, посвященные зарождению и развитию дагестанской печати.

Расул ГАМЗАТОВ

Абдуллу связывала с Сулейманом большая личная дружба. Не одну тарелку хинкала он съел вместе. И не было дня, чтобы они не ругались. И, как правило, несмотря на солидную силу, избитым оказывался почему-то Абдулла.

А случалось это так. Сидят они, спокойно беседуют. Постепенно разговор накаляется. Беседа переходит в брань, а затем и в драку. Обычно первый удар наносит слабый Сулейман. Бьет и тут же хватается за плечо.

— Ой, ой, Абдулла! Держи мне руку. (У Сулеймана была привычка выжимать руки).

Абдулла дергал, рука становилась на место, и тут же Сулейман снова бил и снова хватался за плечо. И это продолжалось до полного избития Абдуллы.

У Османа сильно болели глаза. Пошел он к семейному врачу домой за лекарством. Врача не застал. Тогда он обратился к его матери — Майминат.

— Камешка, воз из той бутылочки, что на полочке, напала мне в глаза твоя дочка.

Майминат взяла бутылочку и закапала Осману.

Три дня Осман не мог открыть глаз.

Страшные боли мучили его. Терпел. И удивлению всех, больно исчезло, и Осман хорошо стал видеть.

Прошла молеба по аулу. Все те, у кого болели глаза, стали просить у Майминат «османовские» капли. Вешалась дочь и отругала мать. Оказывается, мать перепутала лекарства. В глаза Осману она закапала нашатырный спирт. К счастью, все обошлось хорошо. Курильницы до сих пор разгадывают тайну действия лекарства Майминат.

Абдулла, обращаясь и сидящим на гондкане¹ мужчинам, сказал: Пусть вы знаете, что, недовольные своими жменями.

— Все моментально встали, и только он сам продолжал сидеть.

— Стало быть, ты доволен своей женой? — спросил его.

— Наоборот.

— В таком случае почему же не встаешь?

— У меня от страха подкосились ноги. Сюда идет мой жена.

— Хоть раз пригласим и себе Кадыра на обед, ведь он в нашем доме ни разу не был, — сказал Ахмед Магомед.

— А вдруг он придет? — ответил Магомед.

Османа приглашают на лекцию председателя молхоза.

— Нет, не приду. Я уже слушал его речь.

Османа приглашают на лекцию председателя молхоза.

— Нет, не приду. Я уже слушал его речь.

Османа приглашают на лекцию председателя молхоза.

— Нет, не приду. Я уже слушал его речь.

— Но сегодня другая тема. Знаю, знаю. На какую бы тему он ни выступал, все равно скажет о проделках моего сына!..

Шамхал с женой приехал в Махачкалу в гости к сыну. Однажды он выпил вина и заснул. Проснувшись, оглянулся и не поймет — не то вечером, не то светает. Он подошел к телефону, набрал номер своего племянника и спросил:

— Магомед, рядом с тобой кто-нибудь есть?

— Нет. Все в той комнате.

— Тогда отвечай тихо на мой вопрос.

— Хорошо.

— Вот на моих часах пять часов, это пять уюл² вечера?

— Вечера.

— Остальное все ясно, положи трубку и никому ни слова.

Дедушка Магомед, это правда, что ты в молодости много пил и с работы возвращался с пустыми карманами?

— А кто тебе об этом сказал?

— Да вот, бабушка Габбат.

В этот момент заговорил Габбат.

— О чем ты болтала нашему внуку?

— Ты ему не верь, он шутинок большой. Момент придумать что угодно.

— Как же не верить, когда он правду говорит...

Загиди пригласил Шахмардана на свадьбу своего сына. Но Шахмардан не явился.

Томе мне придумал! Приглашение напечатал на машинке. Не мог по-человечески крикнуть с крыши. Больно грамотный стал, — возмущался на гондкане Шахмардан.

Миннапи, почему канаву в огороде выкопали из шпатель?

— Видишь ли, почва у канавы е, на пути стояла арба Гасана. Чем этот человека просить отодвинуть арбу, я предпочел обойти ее.

Дедушка Сунпалавал упал с лестницы. Но, к счастью, все обошлось благополучно, сам поднялся. А потом подумал:

— «Как это так? Упал с такой высоты, и никто не заметил».

Сурхай, далеко собрался?

— Еду к врачу в Кумух.

— Что, заболел?

— Нет.

— В чем же тогда дело?

— Хочу знать, я это или не я.

— Так спроси бы меня. Я же вижу, что это ты.

— В последнее время кто-то пишет жалобу из нашего села и мою подпись ставит. Все ответы идут на мне. Вот я стал сомневаться, я ли я или нет.

Столетний Сунпи-Магомед заболел. Соседка Субайригит (ей было тридцать) пришла его проведать. Большой начал с упреков:

— Как тебе не стыдно! Я неделю приношу и постели, а тебя все нет и нет. А еще соседкой называешься!

— Давно бы зашла, но боюсь, что сплетни пойдут по аулу: женщина бежит к одинокому мужчине!..

Дикалатуни приехал в Махачкалу устраивать сына в институт. Он подкрался к дверям аудитория, где шли экзамены, и стал подслушивать.

Экзаменатор терпеливо задавал вопросы, на которые сын отвечал что-то невнятное.

— Вах, какие нужно иметь нервы! Гоним прочь такого туника! — ворвавшись в аудиторию, выкрикнул отец.

Вернувшись домой, опечаленный сын сказал матери:

— Все плохо хорошо, но отец по мешал...

К старину Кура-Гаджи принес чинить обувь молодой человек. Старик починил и категорически отказался от денег.

Передать только своему дедушке Кура-Магомеду, чтобы больше со мной так не поступал.

— А что случилось?

— Он меня опозорил вчера.

— Как?

— Очень просто. Ты же знаешь, что я плохо слышу. Я с ним договоривался, что когда мы собираемся на гондкане и кто-либо из мужчин рассказывает смешное, он должен толкнуть меня в бок. Он вчера меня толкнул раньше времени, и я начал звонко хохотать. Это ведь новостно.

Дедушка Сунпалавал упал с лестницы. Но, к счастью, все обошлось благополучно, сам поднялся. А потом подумал:

— «Как это так? Упал с такой высоты, и никто не заметил».

Сурхай, далеко собрался?

— Еду к врачу в Кумух.

— Что, заболел?

— Нет.

— В чем же тогда дело?

— Хочу знать, я это или не я.

— Так спроси бы меня. Я же вижу, что это ты.

— В последнее время кто-то пишет жалобу из нашего села и мою подпись ставит. Все ответы идут на мне. Вот я стал сомневаться, я ли я или нет.

Сурхай, далеко собрался?

— Еду к врачу в Кумух.

— Что, заболел?

— Нет.

— В чем же тогда дело?

— Хочу знать, я это или не я.

— Так спроси бы меня. Я же вижу, что это ты.

— В последнее время кто-то пишет жалобу из нашего села и мою подпись ставит. Все ответы идут на мне. Вот я стал сомневаться, я ли я или нет.

Пешел на то место и лег. Начал стонать.

Собрались люди, подняли его и понесли в дом. Рождественники начали плакать, друзья жалели его.

«Ох, теперь-то я сплонуем. Ведь действительно меня любят».

Али юрил своего младшего брата за то, что тот, не докрасив баллон, ушел смотреть футбольный матч по телевизору.

— Лучше бы и был братом твоей женой, чем твоим, — ответил младший брат.

— А мне лучше было бы быть твоим младшим братом, чем старшим, тогда я бы смотрел футбол, — сказал Али.

Это было в первые годы Советской власти. После долгих поисков бандит был пойман. Крестьяне привели его в сельсовет и председателя Магомеду.

— Вот и поймали мы тебя, — сказал председатель.

Поймали, но только не ты лично.

— Ах так, отпусти его сейчас же. Сам буду ловить, — заявил председатель.

Сын мой Магомед, я же тебе говорил, чтобы ты не волил Садрутина в наш сад. Он же воршилка.

Учитель Дикариил сказал мне, чтобы я его воспитывал, — ответил сын.

— Так у него же сад гораздо лучше и фрукты вкуснее. Пусть он и воспитывает его.

Абдулпатах, дай займы сто рублей.

— Нет у меня сейчас столько денег.

— Разве мужчина без ста рублей живет?

— Бывает. Вот ты.

Нуруллаг смотрит на уходящий поезд и от души хохочет.

— Чего смеешься так громко? — спросил прохожий.

— Опоздал на поезд.

— Вот тебе и на! Опоздал и еще смеешься.

— Да я не над собой. Только что мои друзья еле догнали поезд и прыгнули в вагон. Они решили меня проведать.

Сурхай, далеко собрался?

— Еду к врачу в Кумух.

— Что, заболел?

— Нет.

— В чем же тогда дело?

— Хочу знать, я это или не я.

— Так спроси бы меня. Я же вижу, что это ты.

— В последнее время кто-то пишет жалобу из нашего села и мою подпись ставит. Все ответы идут на мне. Вот я стал сомневаться, я ли я или нет.

Сурхай, далеко собрался?

— Еду к врачу в Кумух.

— Что, заболел?

— Нет.

— В чем же тогда дело?

— Хочу знать, я это или не я.

— Так спроси бы меня. Я же вижу, что это ты.

— В последнее время кто-то пишет жалобу из нашего села и мою подпись ставит. Все ответы идут на мне. Вот я стал сомневаться, я ли я или нет.

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент
«Огонька»

циально ведающего лишь иммиграционными делами. На самом деле сотрудники этого агентства не выпускают из поля зрения ни одного еврея, попавшего на австрийскую землю. Теперь они не были столь показательно улыбки и предупредительны, как полгода тому назад, когда здесь же, в Вене, встречали этих бывших киевлян, направлявшихся на «землю обетованную». Сейчас сохнотовцы хмуро и угрожающе утешали Лазаря Львовича:

— Не подавайте прошения о возвращении вам советского подданства. В Вене богатая сионистская община, она подыщет вам жилье и работу. Вам надо прийти в себя. Наверно, вы еще одумаетесь и вернетесь в Израиль. Если же, не дай бог, не захотите, то разве мало на свете стран? Вам помогут перебраться в Австралию, в Канаду, в Новую Зеландию. А может быть, вам привалит счастье и вы попадете в Америку. Только не сорьтесь с нами и не ходите советское консульство!

Но именно в консульском отделе нашего посольства я наутро снова увидел Чудновских и Шварцманов. Чтобы быть первыми в очереди на прием, они пришли к дверям консульства еще на рассвете.

— А где же багаж?— поинтересовался я. — При нас. Десяти чемоданов, с которыми мы прибыли на тель-авивский аэродром Лод, растаяли. Пришлось все привезенное из Киева расплатиться, иначе мы никогда в жизни не расплатились бы с долгами. Ох, как много всеческих долгов было записано у каждого из нас в голубой книжечке «теудат олеи».

Я уже знал, что этот «документ» сразу же под расписку получает на руки каждый оле и каждая ола — так в Израиле именуют ново-

Зачем ты увез меня с родины, где я должен был стать настоящим человеком, на постылую чужбину, где мне все ненавистно?

А ведь дословно так написал тринадцатилетний Сема Лушнер своему отцу, когда ночью пытался из Ашкелона ударить на Кипр, а оттуда на советском судне вернуться в Одессу, о которой он грезит во сне и наяву.

Дети осуждают родителей...

ТВОРЦЫ СОБСТВЕННОГО НЕСЧАСТЬЯ

— О чем же вы думали, покидая родную страну?

...Разные ответы на свой вопрос услышал я. Одни ссылались на психоз, даже на своего рода заразную лихорадку.

— «Израиль, Израиль, Израиль!», — только и твердили нам добровольные советники, объясняя свой отъезд Клара Розенталь, фельдшер из молдавского города Бельцы. — Из Израиля приходили письма о «толстой жизни» на «священной земле предков». Одну из истинных причин происхождения этих писем я понял слишком поздно, хотя и в первые же часы пребывания на израильской земле. Я встретил известную всем Бельцам учительницу музыки Марию Лазаревну Вайсман. Едва узнала ее — так за короткий срок постарела и опустела она. Оказывается, музыкальные школы есть только в столице, и Марии Лазаревне приходится в Израиле перебиваться частными уроками. От случая к случаю. Каждый такой урок доводит ее до слез. Родители учеников считают себя вправе безбастно давать преподавательские указания, по часам контролировать время ее прихода и ухода. «Зачем же вы, Мария Ла-

БЫЛЫ

БЕЖЕНЦЫ

К платформе Западного вокзала Вены подошел поезд. Как всегда, люди затормозились из вагонов, из эти шестеро пассажиров вышли, вернее, выпрыгнули на перрон первыми.

Никто их не встречал. В их глазах нетрудно было прочитать смутную радость людей, еще не совсем верящих, что они избавились от чего-то гнетущего, страшного. Где я видел людей с такими глазами?

Не весной ли сорок пятого на подступах к осажденному Берлину? Наверстывая нашим стремительно наступающим колоннам брели только что освобожденные советскими войсками узники гитлеровских застенков — югославы, датчане, голландцы. Их глаза светились радостной надеждой: предстояла скорая встреча с родной!

Но такой уверенности не было, да и не могло быть у людей, которых я увидел в тот вечер на перроне венского вокзала. Они знали только одно: никакая сила не сможет вернуть их в Израиль, откуда они бежали кружным путем, прибегнув к многочисленным ухищрениям. Страхшая сионистская действительность позади. А что впереди? Примет ли их родина, которую они, по их словам, так необдуманно покинули?

Нет, не покинули. Предали. Только сейчас, с роковым опозданием, механик Лазарь Чудновский и бухгалтер Ева Шварцман, уроженцы города муклеи юности — Киева, начинают осознавать, что, отказавшись ради выезда в Израиль от советского гражданства, они предали Советскую Родину.

Свою первую ночь в Вене они с семьями провели на вокзале. С опаской поглядывая на расквашивающего по залу полицейского. Однако не он потревожил их.

Приметили беженцев два агента «Сохнута» — местного филиала сионистского агентства, офи-

прибывших мужчине и женщин. И с этой минуты начиналась их закрепощение, продуманное и жестокое.

За несколько недель я повстречал более ста бывших советских граждан, которые, подобно Чудновским и Шварцманам, недолго пробыв в Израиле, бежали оттуда.

Беженец — горькое слово. Беженцы — это те, кто стремится убежать от таковой, неотвратимой беды. От вражеского военного нашествия. От разрушительного стихийного бедствия. От безжалостной, страшной эпидемии.

Люди, встреченные мною, тоже бежали от неотвратимой беды. От пролитанного духом наживы и агрессии злобного сионизма. От прикритого религиозной завесой оголенного шовинизма. От душевной черствости и нечеловеческого равнодушия, свойственных обществу, где человек человеку волк.

Они бежали с чужбины. Да, горькой чужбины оказался для них израильское государство, где им сулили новую родину.

Сейчас эти люди плачут. Сейчас они умоляют вернуть их на родину. Сейчас они заверяют, что готовы любой ценой искупить свой отказ от советского гражданства, что согласны жить в любом уголке Советской страны, что беспокоится не за себя, а за будущее своих детей. От многих приходится слышать:

— О себе я уже не думаю. Мне бы только вернуть ребенка в нормальную обстановку. Разве я могу примириться с тем, что мой ребенок обязан из-под палки изучать талмуд! Что в единственный выходной день — субботу я не могу вывезти его поближе к зелени, ведь раввинат запретил работу общественного транспорта в субботний день! Что мальчишка через несколько лет призвут в армию агрессора!

Те, от кого я слышал такие возгласы, укачивали о самом существенном. Они не рассказывали мне, как дети уже не раз спрашивали их: — Зачем ты, отец, искалечил мне жизнь?

заревна, — спросила я ее, — писали в Бельцы, что живете в Израиле превосходно? Ведь ваши письма ходили по рукам и губили людей! Учительница победителя схватилась за сердце: «Мне было стыдно перед своими земляками. Помните, в Бельцах я была человеком, я ходила с поднятой головой. И ученики и родители приветливо улыбались мне. В Израиле я стала ничтожеством. Никому я здесь не нужна. Я опустела. Я в полной мере ощутила комплекс неполноценности — тот самый, который на советской земле представлялся мне невозможным, придуманным. И мне было стыдно признаться в этом...»

Другие, отвечая на мой вопрос, объясняли свою роковую ошибку стадным чувством.

Двадцатисемилетний Абрам Птиллашвили, ранее работавший в Тбилиси радиотехником, так и сказал мне: «Видели, как иногда в горах бегут бараны? Один за другим спешат, один за другим пробраются в ущелье, один за другим валятся в пропасть. Нас, молодых, погубили старики. Письма из Израиля разорвалиши в них националистические и религиозные чувства. Но перекладывать свою вину на стариков тоже несправедливо: тем и в голову не могло прийти, что эти письма — подложные, написаны под диктовку, что большинство их — заурядные фальшивки».

Были, впрочем, и письма отнюдь не восторженные. Но попытаться разобрать, как верить, а как не верить! Ведь многим не верили. Но каким?

Уехавшая из Латвии Рива Москович, пробыв в Израиле несколько месяцев, пишет сыну, что не надо ему приезжать к ней, что здесь он жить не сможет. Но сын уже до предела напичкан сионистскими посулами. И смысл его ответных писем таков: мать, которая купит священную землю отца, мне не нужна! И он уезжает из Латвии в Израиль. Но матери там не застанет: ей удалось бежать.

Лейзер Шайкевич получает от жившего в

Израиле брата письмо. Брат недвусмысленно советует оставаться в родной ой Буквине. Но «дальновидного» Лейзера «на мякине не поведешь». Он так комментирует письмо соседям: «Брат всегда хитрил со мной. Я понимаю, ему там хорошо, и он не хочет, чтобы и мне было хорошо. Дураков нет — я так поеду!»

Третьи не отвечают на мой вопрос, они просто не решаются сказать, о чем думали, отказываясь от советского гражданства. Ведь, уезжая из Советского Союза, они открыто разглашали о своих ожиданиях в Израиле: меде и левке. Жадно ловили по радио каждое клеветническое слово враждебных радиостанций. И с большим опозданием Моисей Матусович Гитберг, инженер-металлург, оставивший в Днепротровске жену и пятилетнего сына, понял теперь: «Один известный западный юрист сравнил посылку враждебной информации на территорию иностранного государства с посылкой артиллерийского снаряда. Какая правда в этих словах!»

Многие очень поздно постигли эту правду. Механик Абрам Гиршович Гец, бывший рижанин, сейчас сокрушенно восклицает:

— Будь проклят этот «Голос Израиля» и другие брехливые радиоголоса! Сколько несчастья принесли они людям!

Но тут же грустно добавляет:

— Конечно, чужие голоса — поганые голоса, однако надо иметь свою голову на плечах. А я на какой-то момент потерял ее...

Итак, о чем же все-таки думали эти люди, покидая родную страну?

Из ответов на этот простой вопрос мне запомнились слова одесского обувщика Рувима

в Израиль, ибо почитал себя обязанным перед потомками добиваться дальнейшего расцвета своей торговой фирмы в Англии.

И сейчас, терпеливо выслушав жалобы и стенания бежавших с «земли обетованной» людей, я часто вспоминал гневные слова Льва Кассиля о «второй родине». Я еще и еще раз убеждался: все их беды и горести — закономерный результат того, что они предали свою родину.

...С некоторыми из тех, кого я встретил в Вене, мне пришлось беседовать дважды и трижды. Многие просили меня ознакомиться с их записками и, как они говорят, исповедями. Все они — каждый по-своему, каждый на памятных и подчас жестоких примерах — являлись, как бы это сказать, капиталистический уклад жизни, одобренный теориями расового превосходства, не для них, не для их детей.

Но я покрывал бы душой, утверждая, что все без исключения стали жертвами одной только лживой и разнузданной сионистской пропаганды. Нет, некоторые оказались жертвами прежде всего собственных иллюзорных представлений о капиталистическом обществе. И прежде всего того, что мечтал «сделать карьеру».

Роман Кацобашивили, бывший повар «Рицы» — одного из самых популярных ресторанов на Черноморском побережье, — сейчас обман желанием вернуться в Грузию. Его многочисленные заявления — письменные и устные — полны грустных фактов и подробностей, сделавших для него жизнь в Израиле мучительной и бессмысленной. Склонен даже поверить и пыльным словам Кацобашивили о тоске по жене, с которой он, однако, мгновенно разошелся, что бы облегчить себе возможность уехать в Израиль. Но не может он утратить ровности тогда в голове и подтачивавших сердце всяческих эфемерных планов. Ему мерещилось, как он, замечательный кулинар, пышущий здоровьем человек, энергичный работник, воспринимавший за границей.

А двадцатипятилетний московский музыкант Михаил Бранзбург убедил себя, что только за границей он сможет в совершенстве овладеть ударными инструментами и стать выдающимся оркестрантом. Решив оставить жену и дочку, он спешил уезжающему в Израиль тромбонисту Александру Кофману: «Устрой мне вызов от липового родственника». Вызов незамедлительно прибыл: с загадочной подписью «Сомполонски Загава» — мужчины или женщины, мифического двоюродного брата или несуществующей троюродной сестры.

Правда, все находящиеся в Вене беженцы из «земли обетованной» считают, что Бранзбургу повезло: он встретил бежавших из Израиля людей и, побеседовав с ними, отказался туда ехать.

Кое-кто из моих собеседников, желая проявить предельную открытость, рассказывал мне о накопившихся у них «обиды» на советское общество. Теперь с роковым для них опозданием эти «обиды» представляются им смешотворными.

Для бывшего киевлянина Николая Фавелевича Петрова-Штейна начало «обиды» на Советскую власть положило недостаточное внимание дирекции завода к написанному им, как он выражается, рабковским сигналам. Правда, сейчас Николай Фавелевич понимает, что некоторые из его сигналов дурно пахли клеветой.

Более подробно и с нескрываемым самосудием рассказывает о своих «обиды» зубной врач Александр Исаевич Каганов:

— Мое падение, да, именно падение, началось с того, как я отрекся от наскоро приобретенной грубости упрямства «своего» дома, где я прогуливался с своей собакой. Сейчас я кажу себе сумасшедшим! Но тогда, предвзвешенно обработанный всякого рода слухами и радиопередачами враждебных станций, я оказался достаточно «созревшим», чтобы отожествить грубизна-упрямства с... советской властью! И когда на следующий день мне близ синагоги предложили устроить вызов в Израиль, я согласился...

Кстати, именно «близ синагоги» встретили многие из моих собеседников услужливыми людьми, предлагавшими им кураторов вызова в Израиль. Об этом рассказывали мне и бывший москвич Каганов и бывшие рижани, кишиневцы, лвовяне.

Кое-кто уезжал в Израиль уже с репутацией убежденного сиониста. Такие мнили себя «борцами» и даже «победителями», гордясь тем, что не скрывали от советских сограждан своих враждебных взглядов и открыто распространяли сионистскую клевету на наш образ жизни. Еще по дороге в Израиль, а затем торопились публично заявить о выпавшем на их долю счастье — отъезде из Советской страны. Для них, своих идейных единомышленников, израильские власти создавали особенно благоприятные условия и даже досрочно выдавали им постоянные паспорта — «кавувы».

Их в Израиле принято именовать «идеалистами» в отличие от «материалистов» и так называемых «промежуточных». «Идеалисты» вначале даже как-то свысока смотрели на открывших жадных «промежуточных» «материалистов» и особенно «промежуточных», намеревавшихся и капитал приобрести и невинности лишиться.

Однако и недавние «идеалисты», причем самые отъявленные, тоже сбивают с себя пороги советского консульства в Вене. Назову, например, бывшего ленинградца — юриста Григория Соломоновича Вертлиба и его жену математика-программиста Софью Моисеевну Вайсман, помпезно встреченных в марте 1971 года «братьями во Сионе». Израильское радио присвоило Вертлибу титул «руководителя еврейской общины», ибо он стоял во главе нескольких сионистских настроенных евреев, желавших верить в Израиль. Эта возглавляемая им группа, как признал Вертлиб, «занималась распространением литературы, убеждающей евреев, что их место в Израиле».

Вертлиба, естественно, встретили в Израиле подчеркнутую радушно: в числе нескольких избранных он был на продолжительном приеме у самой Голды Меир и нескольких министров. Его направляли в Париж и Рим для публичных выступлений «за защиту советских евреев». В отличие от большинства его попутчиков, Вертлиб сразу же дал хорошую квартиру, а также работу ему и жене.

Но уже в декабре Вертлиб убедился, как далека печальная израильская действительность от пленявших его ранее сионистских идеалов. В нем созрело решение покинуть «землю обетованную». Он ушел с работы. Однако, прекрасно понимая, что нельзя открыто признаться в желании вернуться в Советский Союз, вынужден был прибегнуть, как он выражается, к камуфляжу: исподлобье завел разговоры о поездке якобы к родственникам в Западную Европу.

И вот весной 1972 года, бросив все привезенное из Ленинграда имущество, Вертлиб с женой и пятилетним ребенком бежал из страны, о которой, по собственному признанию, мечтал целых двадцать лет.

Почему?

Многостраничная исповедь Вертлиба дает ответ далеко не однозначный.

«Материально мы не нуждались», — сразу же признает он исключительное положение, созданное ему израильскими сионистами. Да, весьма исключительное! Ведь по точным цифровым расчетам самого Вертлиба, бежавшего из Израиля, заработок никак невозможно свести концы с концами семье хотя бы с одним ребенком. Особенно, когда глава семьи не комбинирует, не прибегает к обману, не живет на «чужд» — то есть на чужие деньги.

Итак, если на некоторых беженцев, обремененных израильским строем на полунищенское существование, мог в какой-то степени повлиять материальный фактор, то решение Вертлиба было продиктовано совершенно иными причинами. Какими?

«Израиль» — государство, где давно забыты какие-либо идеалы дружбы и нормальных отношений между людьми. Да, собственно, какие могут быть отношения между работодателем, который имеет завод, школу и 3—4 машины, и евреем из Марони или Ирака, который имеет крохотную квартиру (а часто не имеет и таковой) и живет с пятью-шести детьми в убогой квартире для бедняков? В нем, собственно, могут быть отношения между бюрократом в каком-нибудь учреждении, основная мечта которого досидеть до пенсии и который знает, что уволить его практически невозможно — с одной стороны, и «новым оле» из Советского Союза, который десятки раз ходит на прием,

Лвовича Блувштейна, бежавшего из Израиля с восемнадцатилетним сыном, которого собиравшись призвать в израильскую армию:

— О чем я думал, покидая Одессу! На свое горе, я тогда не думал. Думать я начал поздно, только в Израиле, когда моему сыну объявили: ты будущий солдат нашей армии и обязан воспитать в себе ненависть к арабам. И я впервые с ужасом подумал: что я наделал, куда я привез своего сына! Я понял: нет, Израиль не сможет стать для меня второй родиной!

Рассуждения о «второй родине», на которые так щедро сионистская пропаганда, напомнил мне слова Льва Абрамовича Кассиля, замечательного писателя и советского патриота:

— Для тех, кто воспитан советским строем, не может быть никакой второй родины. У советского человека может быть только одна родина. Понимаете, только одна!

Прошло немало лет с того дня, как в Англии я услышал эти слова Кассиля. Но до сих пор помню, как твердо и безапелляционно отчеканил их писатель, обычно высказывавшийся мягко и даже с какой-то долей застенчивости. Непримиримость и страстность, прозвучавшие в голосе возмужавшего Кассиля, сразу заставили ступающего и замолкнувшего того, к кому он тогда обращался. И почтенный английский господин еврейской национальности по фамилии Бук, один из самых богатых жителей города Сандерленда, уже не посмел больше и заикнуться насчет того, что, откуда бы я, мол, ни приехал еврей в Израиль, он ошутит эту страну как свою вторую родину.

Впрочем, самому себе сандерлендский коммерсант отводил только роль сионистского проповедника. Он и не помышлял об отъезде

¹ Гитберг, очевидно, имеет в виду высказывание видного американского юриста-международника С. Виро, сделанное еще в 1945 году: «Ц. С.

получая один и тот же ответ: «свалнута» (терпение) и «мхье тов» (будет хорошо)?

Вертиль приводит типичный разговор между чиновником учреждения, обязанного заботиться о новоприбывших, и бывшим советским гражданином:

— Работы нет и не предвидится. Но будет хорошо.

— Как же будет хорошо, если бюро труда не дает работы?

— Нужна претензия — и будет хорошо.

— У меня и квартиры нет.

— Терпение. А почему ты хочешь жить в Хайфе? Поселись в Димоне.

— Но в Димоне нет работы для инженера.

— Зато там можно выкапывать жилье.

— На черта мне жилье, если там никогда не будет работы для инженера?

— А разве обязательно работать инженером?

Вот все вы признаете и требуете, требуете, подавая вам и работу и квартиру.

И в конце исповеди горькое признание:

«Тяжело человеку в 40 лет осознать, что вся его жизнь была бесплодна и посвящена ложным идеалам. Но еще более страшной, на мой взгляд, должна быть жизнь у тех, кто там же, как и я, полностью разочаровался в израильской действительности, но не находит в себе сил и мужества открыто рассказать другим евреям обо всем, что происходит».

Земляк и единомышленник Вертиля — радиотехник Бенцион Григорьевич Товбин также был принят в Израиле с распростертыми объятиями. Там знали, что он тоже любимыми способами прокламировал свое давнее стремление навсегда поселиться в этом государстве.

В отличие от преобладающего числа бывших советских граждан Товбин, имеющий реальные навыки, без всякой проверки получил работу, связанную с частным пребыванием в иностранных портах. А сейчас, покинув Израиль, он с горечью говорит:

— Не преувеличу, если скажу, что в Израиле мы подчас ощущали себя явно бывшими людьми.

И Товбин непрерывно шлет ходатайства о разрешении вернуться в Советский Союз.

Кстати, порочащее удостоверение, вернее, самоуверенность, с какой испрашивают такое разрешение многие из беженцев. Взрослые люди, умудренные немалым житейским опытом, они наивно полагают, что стоит им только попросить, как перед ними тотчас же поднимется пограничный шлагбаум. «Да, отказался, мол, от советского паспорта, но я же хочу назад!.. Да, оформил, мол, развод с женой, которая не пожелала уехать в Израиль, но я же готов возвратиться к ней!.. Да, оставил детей, но я же согласен снова стать их отцом!»

И летят в города и веси Советского Союза письма такого примерно содержания:

«Дорогая жена! Теперь я понял, что любил и люблю тебя одну...»

«Дорогие родители! Теперь я понял, как много вы для меня сделали...»

«Дорогие дети! Теперь я понял, что без вас жить не могу...»

А один молодой человек даже консультировался со мной, как с литератором, достаточно ли слезно и проникновенно изложено его покаянное письмо. Латвико к бывшему тестю, которого он несколько лет носил и оскорблял за неверие в израильский рай. Кстати, ничто не помешало молодому человеку оставить брошенного ребенка на попечение духовного ему чуждого тестя.

Разумеется, я не смогу подробно рассказать обо всех повстречавшихся мне в Вене беженцах, хотя со многими беседовал, повторяю, не один раз.

ТОЛЬКО ФАКТЫ, ТОЛЬКО ДОКУМЕНТЫ

В раскание некоторых не веришь — уж очень они усердствуют!

Не мог я поверить патетическим тирадам одного бывшего работника тбилисской торговой сети. Если ранее свой отъезд из Советской страны он попросту мотивировал необходимостью воссоединить «небывшую огромную семью, то сейчас докатился до нетерпимости в советском обществе антисемитских излияний — не может, мол, жить среди людей своей национальности.

После того, как другие присутствовавшие при этом бывшие граждане Советской Грузии выставили за дверь своего явно перусердствовавшего друга, я спросил его жену:

— Вы слышали, о чем только что кричал

ваш муж? Мне после этого подумалось, что в Израиле он с такой же горячностью кричал, как тяжело ему было жить среди грузин. Или я ошибаюсь?

Женщина долго молчала. А затем, вызываясь оглядеть остальных беженцев, отчетливо ответила (только уже не мне, а им):

— Разве только он один? А каждый из вас не подкакивал басням о тяжелой жизни евреев в Грузии?.. Почему вы молчите? Скажите писателю, что я лгу! Скажите!

Никто из них мне этого, конечно, не сказал...

Мне встречались и другие беженцы из Израиля, с наивной подлинной полагавшие, что высказываниями антисемитского толка и злыми насмешками над людьми своей национальности они смогут хоть на крохотную толику оправдать свой постыдный отказ от советского гражданства.

И хотя эти люди действительно не выдержали образа жизни в Израиле и ни за что туда не вернутся, не хочу я воспроизводить их рассказы, рассчитанные на всюропацию. Я говорю здесь о том, что подтверждается либо документами, либо рассказами многих, порознь беседовавших со мной беженцев. Делало это с чистой совестью: каждый, кто делился со мной в Вене своими горестями и надеждами, знал, что беседует с писателем, который выступит на страницах «Огонька». И я точно пересказываю читателям увиденное и услышанное.

Трудно, конечно, быть бесстрастным рассказчиком, когда на тебя скорбно глядят потухшие глаза двенадцатилетней Дали и семнадцатилетней Юши Шамелашвили. Дети покинули Израиль без матери, с которой приехали туда из Сухуми. Медико Шамелашвили осиротела своих детей 9 апреля 1973 года: она вскрыла себе вены и повесилась. Большогозлая Дали не подозревает, что именно ее безудержные слезы стали последней каплей, переполнившей чашу терпения матери. Рыдающая девочка прибежала с уроков и сказала ей, что в школу ни за что не пойдет. Дали не могла больше сносить изощренных издевательств учительницы, с фарисейской грустью твердившей, что, к ее большому сожалению, евреи из Грузии оказались неполноценными людьми. Учительнице послушно подпадали и самые «прилежные и благодарные» соученики Дали из семей сабров — привилегированных староженов.

Так же встретили в израильском городе Ашкелоне и пятнадцатилетнего Юру Ковригара. На Украине Юре предсказывали большую будущность математика, собирались направить мальчика в специальную школу. В Ашкелоне молодые сионисты, глумливо установив, что мальчик принадлежит к «необразованным нечестивцам», разрубили об этом со всем городком. И сами учителя тут же предупредили родителей Юры, что не потеряют в своей школе курла — такую оскорбительную кличку «необразованных».

Трудно, конечно, не поддаваться эмоциям, когда на тебя обрушиваются половецкие слезы... И все же переслю себя — буду прежде всего репортером, регистратором, документалистом.

Итак, только факты, только цифры, только документы, за которыми скрываются подлинные судьбы людей, обездоливших себя отъездом на чужбину.

Многие из них, правда, не понимают или не хотят понять всей катастрофической сущности того, что грозит за отъезд от советского гражданства. При мне возник такой диалог двух бежавших из Израиля врачей:

— Даже не верится, — возмущенно воскликнул тот, что помолуже, — но в Лодзе тотчас же по приезде меня спросили, давно ли я стал диссидентом!

— Увы, — ответил более пожилый, — мы с вами заслужили это. Что означает английское слово «диссидент»? Отступник. А мы ведь отступили от родной страны, от народа, с которым росли, учились, работали. Зачем же удивляться, что в Израиле увидели в нас диссидентов?

И все-таки никто не имеет права называть меня диссидентом, — упрямо твердил молодой врач. — Особенно после того, как я раскаялся! Я слушал его и думал: да, так и не понял этого человека, что не в термине корень, а в содеянном, в отречении от Родины!

ГОЛУБАЯ КНИЖЕЧКА

Первый и обязательный документ, немедленно вручаемый каждому новоприбывшему, едва ступит он на израильскую землю, это уже упоминавшаяся «теудат оле» — проклятая голубая книжечка. Тощеную и в виду весьма неприятную, иммигранты по-разному, но с одинаковой ненавистью называют ее и черной книжкой и патентом на каблук.

Немало таких книжечек перелистала я. Обычно встречал стандартные записи:

«Строительство авиабазы от Вены до аэропорта Лод».

«Страхование багажа».

«Доставка багажа».

«Пособие до момента нахождения источника заработка».

«За лечение после шестимесячного пребывания в стране».

«Отсроченная квартирная плата».

«Срочная ссуда» (уже, конечно, с процентами. — Ц. С.).

Такие и подобные им записи — это норма, обыденность.

Но стоит только сохнутым носом агента пронюхать, что у человека появилось желание покинуть страну, как в его голубой книжечке появляются новые записи. Делается это так. Человека вызывают сразу же в несколько «мисрадов» — учреждений. И неизменно предупреждают:

— Иметь при себе долговый документ!

Для чего? Для того, чтобы, скажем, Иосиф Шамелашвили, отцу двух детей, потерявших в Израиле мать, сказать:

— Мы забыли отметить в твоей «теудат оле» 180 лир за страховку багажа. Тебе придется вернуть эти деньги!

«Тыкают», между прочим, не из дружеских побуждений: дело в том, что в мире отсутствуют местонахождение «кв». А объясняться в учреждениях на идиш, как и по-русски, строгой язык запрещено. Невероятно: язык, на котором создали литературные шедевры Шолом-Алейхем и Менделей Мойшер-Сфори, на котором писали Давид Бергelson и Лев Квитко, на котором сегодня пишут у нас и в других странах мира прогрессивные еврейские писатели, этот язык оказался для израильского государства неполноценным. И чуть ли не антигосударственным!

Итак, какие же новые записи поспешно вносятся в долговые книжки тех, кто задумал покинуть Израиль?..

Давида и Евгению Ковригар в «Сохнуте», например, просили:

— Забыли, сколько бутылочек лимонада выпили в замке Шенэу? Мы помним точно.

И тут же последовала соответствующая запись в голубой книжечке.

А Исааку Ваншенкер незамедлительно напомнили в дирекции школы:

— Твой ребенок учился у нас во втором классе. С тебя причитается 1 026 лир... Ох, извини, я ошибся: с тебя только 984 лиры, ведь твой ребенок, оказывается, учился в первом классе.

Такую же сумму вписали в голубую книжечку Фриды Т. Этой женщине еще не удалось расплатиться с долгами и покинуть Израиль, вот почему я не вправе называть ее подлинного имени и места жительства.

Постараемся уточнить, за какое же именно обучение своей дочкой обязана Фрида Т. внести 984 лиры?

«Оставалось несколько дней до начала учебного года. Дочурка впервые пойдет в школу. Как не сшить ей новое платье! И Фрида взяла в долг под проценты еще триста лир у «благодетеля» из улицы — мелкого ростовщика. На эти деньги, кроме платья, девочке купили ранец, тетрадки, ручки».

Увы, первый школьный день, обычно столь памятный на всю жизнь, принес отряду не радостные волнения. Девочку в праздничном платье посадили в школе не за парту, а на грязный пол. На полу она раскрывала и свою первую в жизни тетрадку.

На полу! Да Денер, пожертвованных американским филантропом на постройку и оборудование новой школы, не хватило на мебель. Последние девять тысяч лир были истрачены на портрет мецената и каменную плиту с перечислением его заслуг перед израильскими братьями.

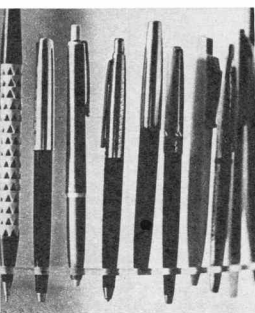

Фото М. Савина.

К. БАРЫШИН

Время каное! Писать начинают едва ли не с детского сада, а карандашами уверенно орудовать уже в яслях. И до самой глубокой старости не расстанется человек с авторучкой и карандашом.

Знаю одного москвовского скрипичного мастера, его нередко можно встретить там, где сносятся деревянные дома. Бродит вокруг по-верженного сруба, выстукивает молотком бревна: не подойдут ли для изготовления музыкального инструмента? Дерево ведь ему нужно особое, не сегодня срубленное, хорошо просушенное. Нынешние карандашные фабриканты поступают примерно так же: они снаряжают в Латинскую Америку целые экспедиции высматривать и сушить дома, сложенные из тамошнего недр. Нет на земле для карандаша древесины лучше.

Вот только наш сибирский кедр может с ней сравниться, да и то, у него умело астиху. Капризный материал. Но коли выделан он по всем правилам технологии, то даст отличную карандашную дощечку.

Но, к сожалению, чаще случается, что монополист по ее поставке — Томская фабрика Министерства местной промышленности РСФСР гонит сырую древесину, как говорится с сучком и задоринкой. «Опять дровяник», — вздыхают тогда на заводе пишущих принадлежностей имени Саню и Ванцетти. И начинают досматривать дощечки, облагораживать, доводить до кондиции.

Предприятие это прославленное, и кондиции тут особые, высокие. А приходится заниматься не своим делом.

Дощечки идут в цех, и станкам, уже приготовившим «ламинку» — грифель всех цветов радуги. Да нет, не всех. Больше! Учебник физики утверждает, что у радуги всего семь цветов. Помните школьную «запоминалку»: «Каждый — Охотник — Мелает Знать — Где — Сидит — Базан?»

Красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый... Здесь же в коробы укладывают не по семь, а по сорок восемь цветов карандашей, и все разноцветные.

Сорок восемь цветов — это для набора «Искусство». Карандаши так названы не случайно. Центральная лаборатория предприятия и его стержневой цех разработки наборов «Искусство» по просьбе профессиональных и самодеятельных художников. В кабинете директора В. П. Петрушина, в самой лаборатории, в комнате одного из ветеранов предприятия, И. И. Немолочного, есть великолепно сделанные портреты, написанные, а точнее сказать, нарисованные карандашами из этого набора «Искусство». Делают на фабрике «Рисовальные» наборы по 12 и 24 цвета; карандаши «Геолог», изготовленные на светоточных красителях, сохраняющие рисунок от выгорания. А вот разработана «Живопись». О посметических достоинствах этих карандашей поведала модница и уже не первый год применяющая для

подкраски бровей и ресниц, кладут ими гримёрскую «тень». Есть у «Живописки» свой секрет — она даёт чуть размытый мягкий штрих, легко сочетаемый с другим по цвету тоном. Увы, пользуясь этим секретом, иные мастерицы косметики рисуют на лице разве что не картины. Словом, карандаш «Живопись» занял прочное место в дамской сумочке.

Для профессионалов-художников на заводе были разработаны и прежде выпускались специальные мелки типа «спил» — «сангита», «пятиоттеночный «марс» — от светлого-коричневого до темного, густого, как настоя кофе. Что еще было? «Ренорсаид», «марганцевая коричнева» — с минеральными красителями, редчайшими элементами.

Применяют тут особую технологию изготовления стержней, подобраны специальные синтетические связующие. Называется оно КМЦ, разработано нашими химиками, но вот мало пока дают его предприятия.

Рецептура разработана с такой обстоятельностью и так тщательно ее выдерживают, что почти нет других грифелей, способных конкурировать с продукцией стержневого цеха завода имени Саню и Ванцетти, старшего карандашного предприятия. Но загляни сейчас на завод — от премий построек сохранился лишь один флигелек. Да и тот на ладан дышит. Хотели было его сохранить под музей. А потом решили создать музей в другом здании. Сейчас там идет сбор экспонатов: написали письма ветеранам, обращаются на родственные предприятия. Неплохо, если бы это начинание переросло в первоначальный замысел и музей завода имени Саню и Ванцетти стал бы собранием всех пишущих принадлежностей: карандашей, авторучек, фломастеров и, конечно же, перьев, настоящих, всадельных, гусиных... нагими написаны бессмертные произведения русской и мировой классики, тех самых перьев, от которых, собственно, и возникло название — перо, получившее впоследствии новый смысл. И часто мы слышим теперь слова: литератор с хорошим пером... Конечно, здесь, в музее, нашлось бы место и для современных писателей — сейчас завод выпускает и автоматические ручки.

Делают на предприятии и сотни тысяч «шариков» — и самых простых и сувенирных. Завод имеет свои добрые традиции, гонимся своими ветеранами, такими, как прессыонеры А. Н. Подтесова и А. Н. Александров, ладчик В. Т. Щербинин, комплектовщик В. С. Туманова, и многими другими — более трети людей коллективе имеют стаж работы, превышающий пятидесять лет. По ним равняются и молодежь.

В минувшем году заводом выпущены миллионы карандашей! Успешно выполняется и план нынешнего года. Но все же спрос на карандаши удовлетворяется не полностью.

СУРОВАЯ НЕЖНОСТЬ

Так названа новая книга стихов поэта Николая Полинина. Думаешь, что это название вполне соответствует его тональности, ее лирической и вместе с тем гражданственной направленности, ведущая тема сборника — стихи и поэма выглядят деути — это отразилось даже в самом сочетании на первый взгляд не очень-то соединимых слов — «суровая нежность». Не броской, а истинной нежностью пронизаны стихи Н. Полинина о людях труда, обладающих неодолимой нравственной силой. Но высокой напряженностью отличаются жизни и труд этих людей — потомственных рабочих, моряков и рыбаков Каспия, берега которого были любимой землей поэта. Вот почему лирические строки о тружениках моря наполнены ощущением повседневной борьбы. Поэт утверждает:

Суровость рыбачьих становий,
железная нежность людей...

Здесь будни с романтикой
вровень шагают по полю в воде...

Трогательны и возвышенные черты лирического героя стихов Н. Полинина — в нем, этом герое, накрепко соединились и гордость за свою свободную труд и любовь к пыльным фразам.

У берега спаслись
домом квадраты.
Дышала ГЭС,
лугорой огней слепя...
Мне показались:
и здесь и был когда-то,
почувствовал хозяином себя.

Стихи Н. Полинина, в которых воспеваются труд и человек труда, выглядят убедительными и достоверными, ибо они конкретны — любое утверждение в них выношено в душе автора, биография которого как бы совпадает с биографией лирического героя.

Естественным продолжением лирических стихов являются поэмы «Глубинные ветры» и «Понизовые были», вошедшие в новую книгу. В первой из них автор поэтически воспроизводит свою родословную, начиная от пращура Егория, который слал усадьбу барина, а потом подался на Каспий в отряды Разина. Из поколения в поколение прослеживается судьба потомков волжского бунтаря, чья пряхушка асала под красные знамена Октября, защищая дело революции на берегах Каспийского моря. Если в «Глубинных ветрах» революционная тема решается в приподнято-романтическом плане, то в поэме «Понизовые были» она сугубо конкретна: реалистичны картины классовых борьбы, зримо и выразительно вырисовывается образ революционного рабеника С. М. Кирова, прибывшего на Каспий, чтобы возглавить здесь борьбу молодой Советской власти против контрреволюции.

И стихи и поэмы в новом сборнике Н. Полинина свидетельствуют о том, что талант его обретает черты зрелости и мушкетерности, привлекает своей «суровой нежностью» и главному герою — рабочему человеку.

О. ЗВЕРЕВ

Николай Полинин. «Суровая нежность». Стихи и поэмы. М., «Советская Россия», 1973.

Суровая нежность

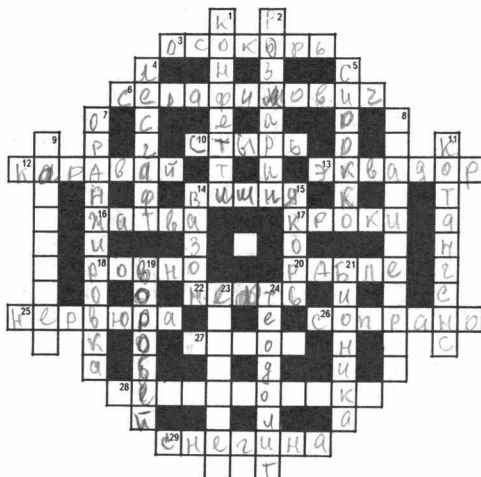
СТРАНА ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Музыка З. БИНКИНА.

Слова Ю. КАМЕНЕЦКОГО.

Нет страны той на карте,
В ней законы свои.
Там черемуха в марте,
В декабре — соловьи.
Все впервые, все вновь
И не будет потом...
Нашей первой любовью
Ту страну мы зовем.
Там меня и поныне
Ждет девочка одна,
Мой рассвет соловьиный,
Молодая весна.

Побродить бы мне вволю
В том далеком былом!..
Нашей первой любовью
Ту страну мы зовем.
Только в юности по правде
Не вернулись нам вновь.
Нет черемухи в марте,
В декабре — соловьев.
Но тоскуем до боли
Мы о времени том...
Нашей первой любовью
Ту страну мы зовем.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Черный тополь. 6. Советский писатель. 10. Приток Припяти. 12. Круглый хлеб. 13. Государство в Южной Америке. 14. Плодовое дерево или кустарник. 16. Сельскохозяйственная работа. 17. Набросок чертежа, рисунка. 18. Областной центр в Украине. 20. Автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». 22. Горючее вещество. 25. Элемент конструкции крыла самолета. 26. Женский голос. 27. Расказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 28. Звуковая система из пяти звуков различной высоты в пределах октавы. 29. Героиня поэмы С. Есенина.

По вертикали: 1. Разноцветные бумажные кружочки. 2. Сорт яблоч. 4. Врач, создатель научной системы физического воспитания. 5. Знойный ветер. 7. Переложение музыкального произведения. 8. Наука, изучающая ускорение силы тяжести на земной поверхности. 9. Созвездие северного полушария неба. 11. Тригонометрическая функция. 14. Цветочный горшок. 15. Часть электрической машины. 19. Маленькая птица. 21. Раздел кибернетики. 23. Озеро в Швеции. 24. Угломерный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали: 5. Макаренко. 6. Камень. 7. «Тоска». 9. Сопка. 12. Ребёнок. 14. Трость. 15. Нитрат. 17. Причал. 18. «Гайдамаки». 21. Уганда. 22. Верста. 23. Шриф. 25. Фалат. 26. Марка. 27. Рояль. 28. Точка. 31. Третьяков.

По вертикали: 1. Лемма. 2. «Сток». 3. Анкет. 4. Ингода. 6. Карта. 8. Архив. 10. Помология. 11. Посланник. 13. Гладиатор. 16. Агама. 17. Песков. 19. «Анчар». 20. Прима. 23. Шалфей. 24. «Тройка». 28. Остеп. 30. Киев.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ [главный художник], Л. М. ЛЕВОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ [заместитель главного редактора], Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ [ответственный секретарь], Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Редакционная и новостей — 253-37-61; Международной — 250-66-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорт — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-38; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 11/III—1974 г. А 00541. Подписано к печ. 26/III—1974 г. Формат 70 × 108/16. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 700. Тираж 2130 000 экз. Заказ № 1931.

Орден Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: 10 000 километров по странам СЭВА.

ПНР. «Я живу в Краков».

ВНР. Огни Будапешта.

СССР. Еще одна машина сошла с конвейера Волжского автомобильного завода.

СССР. Демонстрируются моды сезона.

СРР. Элине Яноб, швея Бухарестской трикотажной фабрики.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

СФРЮ. Крагуевацкий мемориал.

НРБ. Бургас. Прибыли новые «Жигули».

ГДР. В детском саду города Зоннеберга.

Фото Дм. Бальтерманца, Ю. Кривоногова, Ю. Лушина.

Н. АЛЕКСЕЕВА
Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Почти девяносто человек собираются вечерами в огромной институтской аудитории. Никто не норовит сесть подальше, как это нередко случается днем, на занятиях. Сейчас, наоборот, все садится в первые ряды, и притом в определенном порядке. Да и педагоги отвечают куда более дружно, чем на лекциях. Отвечают хором...

Но довольно загадок. Дело в том, что в руках у студентов не обычные тетради, а нотные. Я на репетиции народного самодеятельного хора студентов ЛПИ — Львовского политехнического института.

Руководит певческим коллективом преподаватель консерватории Александр Федорович Грицак.

— Мы принимаем в хор всех, — поясняет Александр Федорович, — даже если у студента нет необходимых данных для пения. Потом, после нескольких занятий, он, может, и уйдет, но, «отведав» самодеятельного творчества, увлеченный им, наверняка захочет пополнить силы в других самодеятельных коллективах и, наконец, найдет себя в одном из них...

И педагогу и певцам по сердцу совместная работа: разучивание новых песен, занятия музыкальной грамотой, поездки с концертами по колхозам и окрестным городам.

«Девичья моя любовь» — поют студенты, поют легко, свободно. «Венецианская ночь» Глинки, «Родина» Туликова... Кажется, аудитория становится тесной для молодых и звонких голосов...

НЕМНОГО ИНФОРМАЦИИ

В самодеятельности Львовского политехнического института участвуют почти две тысячи человек. Симфонический и духовой оркестры, вокалисты, капелла «Анколада», бандуристы, танцевальный ансамбль... Каждый коллектив имеет свои «ответвления», или «филиалы», на факультетах.

Но вот парадокс: у клуба ЛПИ пока нет своего помещения. Танцоры репетируют в небольшой комнате со сдвинутыми в угол столами и стульями. Симфонический оркестр, кстати сказать, самый большой в области, собирается в актовом зале. У духовиков есть... подавал, но довольно-таки сырой, инструменты портятся... Так что руководителям клуба Александру Марьяновичу Белькевичу и Игорю Николаевичу Иванову нелегко живется.

Справляться с трудностями помогает художественный совет, куда входят руководители всех самодеятельных коллективов. Костюмы, поездки, репертуар, встречи студентов с поэтами и профессиональными артистами — все это их забота, как, впрочем, и поиск аудитории почти для каждой репетиции. И еще одна, главная, пожалуй, забота заключается в том, чтобы привлекать вновь поступающих в ЛПИ ребят к самодеятельности.

Привлекать... Но как?

КЛЮЧ К ТАИНЕ

— Можно мне записаться к вам в оркестр? — спрашивает новичок. — Не «можно», а нужно!.. Нужно!.. — быстро и весело отвечают супруги Носовы, руководители народного духового оркестра.

Как мы позже узнали, парнишка из далекого украинского поселка, ныне первокурсник геоэкономического факультета ЛПИ, уже несколько раз заходил на репетиции. Смотрел. Слушал. Наконец, решился: будет учиться музыке!

Но разве он пришел в оркестр просто от нечего делать?.. В институтском духовом оркестре играют в основном сельские парни, потому что не во всех деревнях и селах есть симфонические оркестры или хоровые ансамбли, но духовой оркестр существует почти везде: никакое торжество, никакая праздничная без него не обходится. Так вот, студентам-новичкам, впервые попавшим из деревень в большой красивый город, наверняка есть чем заняться вечерами. Пройтись по Львову — и то интересно, у нас не говоря о многочисленных театрах, музеях, парках...

Значит, в оркестр влечет любовь к искусству, и творчеству? Да. Но это уже следствие. Первопричиной же оказываются тут супруги Носовы — подлинными энтузиасты своего дела, люди, умеющие пробудить высокую любовь к искусству.

Владимир Николаевич работает в консерватории, Ляля Григорьевна — преподаватель в культурно-просветительнице. Их душа — это именно самодеятельный духовой оркестр. О нем Носовы говорят с необыкновенным увлечением, и вот кусочек диалога.

АЖУРНАЯ МУЗЫКА

Он. Заметьте, в консерватории студентов порой заставляешь играть. А в самодеятельности — сами играют!..

Она. Духовой оркестр — не только походные марши, как привыкли считать многие. Мы играем Моцарта, Бетховена, Верди, Шостаковича... Нашим оркестрантам должна быть подвластна тонкая, я бы сказала, ажурная музыка...

Он. Когда дирижирует Ляля, наши самодеятельные артисты, и правда, играют мягче! На Всесоюзном смотре самодеятельных духовых оркестров, где мы стали лауреатами, Ляля Григорьевна была единственной женщиной — дирижером духового оркестра...

Она. Хорошо бы играть где-нибудь в парке, для всех... Люди слушали бы нас и отдыхали...

Он. А я мечтаю о том, чтобы наш оркестр выступал возле мемориального комплекса — Холма Славы. Это должна быть тихая и прекрасная музыка!

Она. Между прочим, наши бывшие студенты не забывают нас: Анатолий Шемчук руководит оркестром на заводе, но до сих пор приходит к нам репетировать... А Софелак Богдан, ведущий инженер объединения «Электрон», так и остался с нами. Мы сейчас разучиваем «Анду» в его инструменталке...

* * *

Таковы супруги Носовы. В их присутствии оркестранты забывают о времени, готовы играть чуть ли не до утра и слушать рассказы Владимира Николаевича о композиторах, о музыке, о творчестве...

Молдавский танец.

Дирижер Ляля Носова. ▶

Репетирует
духовой
оркестр.

Марианна Маркевич.

Студентки ЛПИ Наташа Волкова, Людмила Куляпина и Татьяна Генералова.

